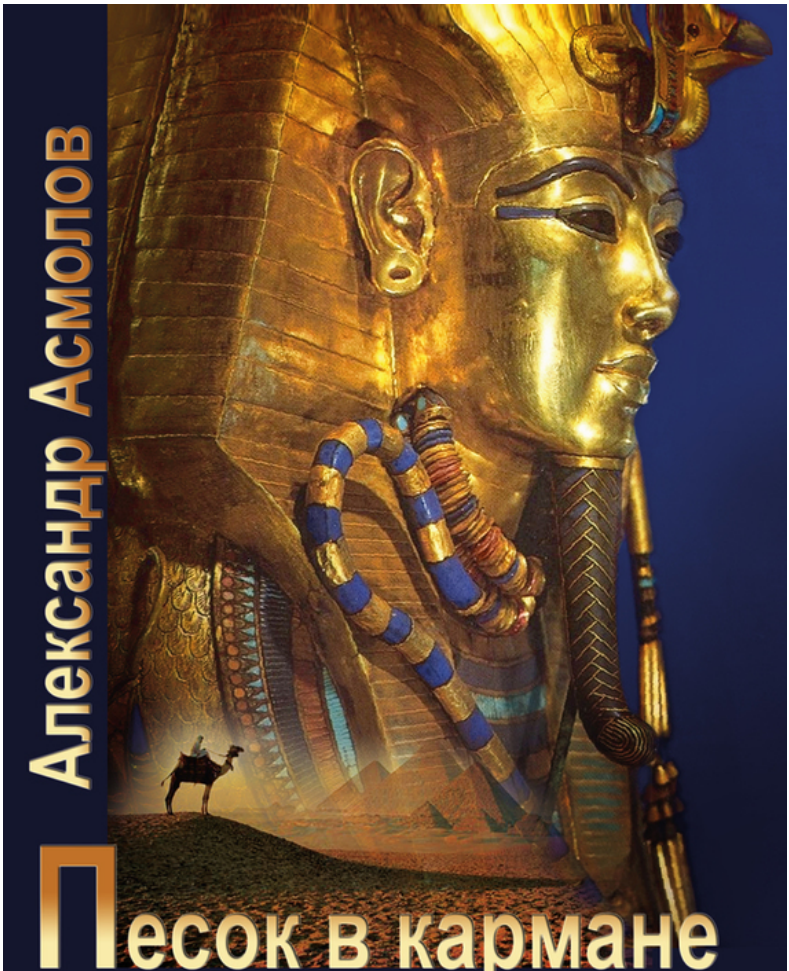
Александр Асмолов



Песок в кармане

электронная книга

Александр Георгиевич Асмолов

Песок в кармане

Серия «Ушебти», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21528167
Песок в кармане/ Александр Асмолов:
ISBN 978-5-91146-080-8

Аннотация

Подержите в руках эту книгу. Вы сразу почувствуете тепло чистого белого песка пустынных пляжей и манящую красоту прохладных глубин Красного моря. Ощутите голыми ступнями неровности обветренных шершавых досок старого причала и вдохните на восходе солоноватую свежесть морского тумана. Именно это произошло с первокурсницей Варей, которая приехала на зимние каникулы понырять с аквалангом в Египет, но окунулась в удивительный водоворот событий. Старинный клад, тайны древних пирамид и завещание самого главного фараона, царицы Хатшепсут, неожиданно превратили её в героиню приключенческого романа. Присоединяйтесь. Глубоководные погружения, удивительные находки, неожиданные открытия и погони уже не отпустят Вас, потому что один из главных секретов человечества стоит того, чтобы дочитать эту книгу до конца. Кто знает, возможно и Вам удастся его разгадать. Это второй том в цикле Ушебти.

Содержание

Глава I	4
Глава II	28
Глава III	56
Глава IV	87
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Асмолов
Песок в кармане

Глава I

Самолет, подпрыгнув, коснулся земли и натужно загудел двигателями, упираясь всем чем можно для торможения. Пассажиры «Боинга 747» зааплодировали, поблагодарив капитана за успешную посадку. Этот знак внимания быстро стал традицией во многих странах. Причем его обычно используют отпускники, как бы проводя грань между всем, что осталось где-то далеко позади, и тем, чем им предстоит насладиться. Тут же они достают сотовые телефоны и начинают звонить своим родственникам и знакомым, сообщая радостную весть, которая, как правило такого восторга у корреспондентов не вызывает. Стюардессам приходится успокаивать самых нетерпеливых пассажиров, уже готовых вскакивать со своих мест, устремляясь навстречу неизведанному.

Огромный корпус самолета медленно разворачивался, подруливая к стоянке. Он вздрагивал на стыках бетонных плит взлетной полосы, и вместе с ним вздрагивали пятна яркого солнечного света, врывавшиеся в иллюминаторы. Подобно лучам прожектора, синхронно движению самолета, они ползли по салону, медленно и внимательно высматривая

что-то. Наконец командир корабля объявил, что Шарм ель Шейх готов встретить своих новых гостей, и около пятисот жаждущих этой встречи заспешили в его объятия.

Варя шагнула из полумрака салона на приставной трап, будто в иной мир, оставляя позади московскую зиму, первую сессию в институте, суету подготовки и волнения полета. Она так и не смогла уснуть в эту ночь, пытаясь представить себе Египет, пирамиды, Красное море, пальмы и все, что было с этим связано. Рейс был ранний, около восьми, и в пять уже начались звонки подружек, с которыми они договорились лететь в Шарм ель Шейх. Как продолжение несостоявшегося сна, промелькнули последние несколько часов – и вот она уже в Африке. Несмотря на конец января, было около тридцати градусов тепла, голубое небо и яркое солнце. Незнакомые запахи взволновали, заставляя прислушаться к ним. Воздух был сухим, отчего впечатления были неяркими. Они как бы намекали о себе, приглашая поиграть в загадки и ответы.

Варе понравился запах Африки. В нем явно ощущались тонкие терпкие нотки, едва проявлялись сладковатые мотивы, слышался солоноватый привкус моря, но главное, что удивляло, – запах живых цветов. Хотелось закрыть глаза и медленно, с наслаждением вдыхать этот букет, пытаясь отгадать, кто там прячется. Впечатление было необычным еще и потому, что за долгие месяцы непогоды и морозов в памяти стерлись яркие краски лета, а сейчас она будто оказалась по-

средине зеленого луга, и озорной ветерок заигрывает с ней, подув то с одной, то с другой стороны, пряча в каждом порыве запахи разных цветов.

– Варь, ну ты чего, – окликнули ее. – Поторапливайся, девчонки уже очередь заняли. Нам еще вещи взять надо и марки в паспорт наклеить. Бежим.

И действительно, основная масса пассажиров уже втянулась в большое здание аэровокзала. Длинные людские вереницы выстроились к окошкам у одной из стен просторного зала. Народ шумел, толкался, на ходу заполнял какие-то анкеты. Наиболее опытные туристы руководили процессом выполнения всех необходимых процедур, распределяя своих представителей в разные очереди. В основном среди пассажиров были студенты и те, кто не мог себе позволить отдохнуть на дорогих горнолыжных курортах Европы. Царившую суету сторонкой обходили прилетевшие с ними египтяне. Их встречали приветливые служащие и провожали по отделенной ленточками дорожке к стойкам паспортного контроля. Они не только не стояли в очереди, но даже не подходили к офицерам в форме. Вежливые сопровождающие собирали у арабов паспорта и отдавали документы для отметки прибытия, проходя в кабинку к офицеру через дверь, расположенную с противоположной стороны окошка. Сразу было видно, кто в стране хозяин. Причем статус египтянина был пропорционален его габаритам.

– Варя, твоя очередь, – подтолкнули засмотревшуюся де-

вушку подруги.

Солидный араб в форме гордо восседал за стеклянной стойкой с окошком. Взяв Варин паспорт, он поворчал, перелистывая его. Потом, найдя страничку с наклеенными только что марками, подтверждавшими уплату пошлины за въезд, громко шлепнул туда печать. Уже вернув паспорт, неожиданно взглянул Варе в глаза, придержал его рукой.

– Турист? Девушка кивнула.

– Один?

– Нет, я с подругами, – чуть помедлив от неожиданности, ответила она.

Заметив, что пограничник не понял, Варя повторила по-английски, но тот, казалось, не слышал ее. Темные глаза на смуглом, огромном, неподвижном лице офицера заглянули куда-то внутрь Вари, отчего ей стало не по себе. Она опустила взгляд. Толстые, покрытые черными волосками пальцы не отпускали ее паспорт.

– Гостиница? – спросил, вернее, рявкнул араб.

Варя растерялась еще больше и не нашлась, что ответить. Пауза становилась просто угрожающей, но девушка никак не могла вспомнить название отеля. Она попыталась отыскать непослушными руками в сумочке ваучер этого несчастного отеля, но он просто испарился куда-то.

– Гольф. Гольф-отель, – услышала она подсказку подруг. Чувствуя, что краснеет, будто на экзамене, она повторила, почему-то боясь взглянуть на пограничника. Варя смотре-

ла на свой паспорт, зажатый в толстых пальцах, и думала, как просто кто-то может распоряжаться ее судьбой. Может поиграть, чуть придавив или ослабив хватку. Ей стала так неприятна эта мысль, что она резко исподлобья глянула на офицера. Араб явно не ожидал такого поведения от девчонки и на секунду растерялся. Его веки чуть открылись, обнажая большие глазные яблоки с красными прожилками. Какое-то мгновение длилась их молчаливая дуэль. Но Варя не отступила. Она почувствовала, как холодная капелька пота скользнула между лопаток по ее спине. Ей казалось, что сейчас все услышат, как гулко стучит маленькое сердце, однако взгляда не отвела. Пограничник подтолкнул к ней паспорт, жестом показывая, что она может проходить.

– Ну, ты даешь, тихоня, – первое, что она услышала минуту спустя.

– Мы думали, он тебя сожрет, – подхватили с другой стороны.

– Да у него аж уши покраснели.

– Набычился, будто прыгнуть хотел.

– Улыбнулась бы ему – и все, – галдели подруги, но Варя их не слушала. Она и сама не могла понять, что вдруг на неё накатило.

Позже, когда девчонки уже ехали в автобусе, с восторгом обсуждая все, что попадалось в поле зрения, Варя примолкла, вспоминая детали неожиданной дуэли с пограничником. Скорее всего, протест этот был основан на отноше-

нии к Египту. Ее мать, Людмила Алексеевна Орлова, работала преподавателем истории в маленькой школе курортного городка Геленджик. За глубокие знания и душевное отношение к ученикам ее любили и коллеги, и школьники. Людмила Алексеевна была бесконечно преданна своему делу и считала историю, а особенно ту часть, что относилась к древнему Египту, величайшей из наук. Однако принципиальность и удивительная щепетильность в мелочах не позволили ей сделать карьеру. Возможно, поэтому и личная жизнь не сложилась. Варя росла без отца. Его в семье, как шутила мать, заменял Египет. С детства история древнейшей цивилизации окружала ребенка, что, скорее, вызывало антипатию ко многим его особенностям, чем благоговейное поклонение, как у Людмилы Алексеевны. Варе всегда казалось, что Египет отнимает у нее какую-то очень важную часть жизни, подменяя настоящее прошлым. Однако она никогда не решалась обижать нелицеприятными высказываниями свою мать. Людмила Алексеевна просто бредила древним Египтом. Весь дом был завален книгами и журнальными статьями, в которых лишь упоминалось о нем. Варя помнила с детства разговоры взрослых и споры маминых коллег. Девчушка училась рисовать не кукол, а египетские иероглифы, потому что мама утверждала: это самое красивое и совершенное изобретение человека за всю его историю.

Ах, мама, мама, возможно, эта слепая вера позволила ей выжить во всех жизненных катаклизмах, и она пыталась пе-

редать ее дочери. Правда, Варя начала сомневаться в величии Египта уже лет в пять, а в десять жалела мать и старательно скрывала свои интересы, как у обычного ребенка. Она продолжала обсуждать сообщения археологов из долины Царей и открытия генетиков, исследовавших мумии, критиковать голливудские фильмы о фараонах и гробницах, где путались многие события и факты. Постепенно история и культура древнего Египта так увлекла ее, что стала частью ее жизни. Закончив школу с золотой медалью, Варя поступила на исторический факультет в МГУ. Жила у тетки на Каширке. Вернее, только ночевала там, проводя все время в университете или библиотеке. Видя такое упорство и трудолюбие, ее тетка Нина Алексеевна с супругом Андреем Борисовичем ставили девушку в пример своему единственному сыну Борису. На что тот отреагировал своеобразно: привел свою двоюродную сестру на курсы дайверов.

Надежды на то, что Варя познакомится на занятиях с каким-нибудь парнем или мужчиной, коих там было предостаточно, не увенчались успехом. Ни один из них не вскружил ей голову, хотя желающих поближе познакомиться с привлекательной молоденькой студенткой было немало. Она по-прежнему фанатично занималась в университете, находя время и для постижения азов подводных погружений. Борис злорадствовал, когда однажды вечером кто-то подвез Варю домой на дорогой спортивной машине. Однако далее этого дело не пошло – девушка не бросила учебу, и злосчастный

положительный пример не был низложен с пьедестала. Она лишь глубже погружалась в науку и сумерки пятнадцатиметрового бассейна.

В канун Нового года Нина Алексеевна и Андрей Борисович объявили, что сдавшему на «отлично» зимнюю сессию будет подарена недельная туристическая путевка. Надо отдать им должное: они относились к Варе и Борису на равных, называя обоих своими детьми. Зная нелегкую судьбу своей сестры, Нина Алексеевна всячески оберегала племянницу, вызывая ревность у собственного сына, хотя тот и старался скрывать это. Борис был старше своей двоюродной сестры на три года и выглядел спортивным, привлекательным парнем, не обойденным вниманием сверстниц. Он учился на четвертом курсе технического института, что часто использовал как аргумент в разговорах о будущей работе и зарплате.

– Девчонки, смотрите, верблюды, – эта фраза отвлекла Варю от воспоминаний.

Действительно, вдоль шоссе на песке сидело десятка два верблюдов довольно непрезентабельного вида, хотя этот факт их явно не смущал. Животные не реагировали на проезжавшие машины с восторженными туристами. У каждого своя жизнь. Затем стали мелькать отели. Они небольшими оазисами в пустыне огораживались стенами от внешнего мира, обещая гостям уют и удовольствие. По дороге то и дело попадались стройки, где одетый кое-как народ неторопливо

что-то делал. Здесь жизнь не кипела, а вяло проистекала, даже отдаленно не напоминая о великой некогда цивилизации, обитавшей на здешней территории.

– А горы какие-то острые. И голые, – заметил кто-то. – Как на Марсе.

Хотя никто из пассажиров автобуса на Марсе не был, но все согласились, утвердительно покачивая головами. На ровном плато были разбросаны невысокие, лишенные всякой растительности горы, все гребни и пики которых словно были грубо отесаны неумелым камнерезом. Редкие пальмы вдоль дороги виднелись только у съездов к отелям. В остальном пейзаж был безжизненным, в каких-то серо-оранжевых тонах. Без воды нет жизни ни на Марсе, ни на Земле. И это только зимний пейзаж. Как же здесь летом, когда температура поднимается до пятидесяти! Не случайно жизнь сосредоточена вдоль тонкой кромки прибрежной полосы. Красное море манит своей удивительной чистотой, заповедными зонами, коралловыми рифами и затонувшими кораблями. Рай для дайверов и любителей экзотики.

– Варь, – шустрая Вика тронула свою соседку за рукав. – *Я* побегу к стойке регистрации, займу очередь. Захватишь мой чемодан?

Автобус едва остановился около огромного отеля, а Вика уже неслась к стеклянным дверям. Служащий в яркой униформе жестом показал ей, что нужно пройти через рамку металлоискателя, установленную перед входом в гостиницу.

Почти не останавливаясь, девушка проскочила арочные ворота, которые, как в древних легендах, пропускали добрых людей и задерживали злоумышленников. Вика даже не обратила внимания на привратника, просто пожирающего глазами вызывающе красивое тело приезжей северянки. Он явно сожалел о том, что ворота так легко пропустили соблазнительную иностранку и нет причин приступать к личному досмотру, ощупывая каждый дюйм пленительного тела в поисках оружия или взрывчатки. Впрочем, изящное, пышущее здоровьем и соблазнительными округлостями тело девушки само было таким сильным оружием, что привратник как завороженный провожал взглядом Вику, исчезнувшую в заблаговременно распахнувшихся дверях сверкающего чистотой отеля.

Варя с восторгом смотрела вслед подружке: ей всегда было немного завидно, как та могла быстро решать любые жизненные вопросы. Девушки были во многом непохожи и даже дополняли друг друга своими особенностями до некоего гармоничного целого. Ожидая, пока более энергичные пассажиры возьмут свои чемоданы из багажного отделения автобуса, Варя подумала, что ей всегда недоставало в жизни сестры или брата, которые бы заботились о ней. Она всю жизнь ощущала себя дочерью «училки» и сама должна стать таковой.

– Варя, – Вика нетерпеливо подзывала ее, – давай скорее паспорт и ваучер.

Подружка просто изнемогала от нетерпения.

– Еще остались номера с видом не море!

И действительно, благодаря энергичным действиям и обезоруживающим многообещающим улыбкам Вики, подружки на неделю стали обладателями отличных соседних номеров. Стоило отдернуть занавески, и сквозь раздвижную стеклянную стену открывался замечательный вид на море. Жары не было, и сухой прозрачный воздух позволял далеко видеть спокойную синюю гладь и прибрежную полосу, изрезанную небольшими бухтами. Варя вышла на лоджию. Отдельный двухэтажный домик, где им достались два номера, стоял во втором ряду от берега. Весь склон покатого холма был разделен четырьмя неровными дугами таких же, как у них, белоснежных домиков, каждый из которых имел лужайку с небольшим бассейном и был огражден живой зеленой изгородью. Позади, на вершине холма, огромной подковой охватывало почти весь холм основное здание отеля. Пальмы, синее море и яркое солнце напрочь вытеснили из памяти совсем недавно покинутую столицу с ее снегом, суетой и морозами.

– Интересно, почему это море называют Красным?

Вика стояла на соседней лоджии и с восторгом крутила очаровательной головкой по сторонам. Она уже успела переодеться и была в коротенькой юбочке и маечке. Разделявший лоджии невысокий барьер позволял легко общаться.

– Кораллы, – тихо произнесла Варя. – В заливе много рифов. Очень красивых.

– Ну вот откуда ты все знаешь? – Вика раскинула руки и закружилась, сразу забыв о своем вопросе. – Даже не верится. Мы – в Африке. Куда пойдем?

– Я сначала – в душ, – отрезала Варя.

– Точно, надо сходить на разведку.

Поднимаясь к себе в номер на второй этаж домика, Варя отметила, что здесь почти нет прямых углов и прямых линий. Это изобретение стандартизации современных технологий на Востоке не прижилось. Арабы по-прежнему оборудовали свои жилища, как сотни или даже тысячи лет назад. Конечно, пирамиды и храмы возводились по строгим законам, базирующимся на математике, а вот простые жилища хранили традиции, вбиравшие в себя опыт выживания в местных условиях.

– Слушай, у них ванная, как у нас в общежитии, одна на этаже, – удивилась Вика.

– Это не общежитие, – поправила ее Варя, – это домик на семью. На первом этаже комната мужа, так сказать мужская половина с ванной и курительной. Наверху – комнаты для жен и детей со своей ванной.

– А мы что с тобой, жены? – хихикнула Вика.

– Потенциальные.

– Ну, если бы мне обеспечили такие условия, – мечтательно протянула подружка. – Я бы подумала.

– Тогда не тяни, – усмехнулась Варя. – У них мода на образованных европейских жен. Будешь четвертой молодой же-

ной.

– Почему четвертой?

– По Корану. Мусульманин должен стать на ноги, укрепить родственные связи, подумать о потомстве и только потом отдать дань требованиям современного бизнеса, – как на лекции, назидательно отчеканила Варя.

– Ну, на последнюю я не согласна, – Вика надула хорошенькие губки.

– Зря. Если муж дарит что-то одной жене, то же самое он покупает и другим.

– Это мне будет доставаться по три комплекта сарафанов пятьдесят восьмого размера от старшеньких? – не переставала возмущаться потенциальная жена.

– Не все так однозначно, – попыталась успокоить ее Варя. – Восток – дело тонкое.

– Ладно, – согласилась та. – Ты в душ, а я к девчонкам сбегаю.

– Карточки от дверей не забудь, – крикнула вслед убегающей Вике девушка. – У них везде электронные замки.

Минут двадцать спустя стройная фигурка Вари выскользнула из массивных деревянных дверей двухэтажного коттеджа и направилась вниз к морю. Извилистая асфальтированная дорожка петляла между стен разнообразных домиков и зеленых, аккуратно подстриженных изгородей. Прагматичные немцы или предприимчивые американцы разбили бы все на правильные квадраты и сэкономили на прямых ули-

цах, но для араба это не главное. Впечатление отчужденности и неопределенности не покидает чужака на Востоке.

За поворотом Варя лицом к лицу столкнулась с охранником. Он прохаживался около миниатюрной будочки и сразу заулыбался, увидев хорошенькую иностранку. Холодно поздоровавшись с ним на английском, девушка пресекла его явное намерение поболтать. Желание поскорее увидеть долгожданное море подталкивало вперед. Египтянин в униформе свысока окинул ее надменным взглядом. Так москвичи пренебрежительно смотрят на приезжих, спешащих в первую очередь на Красную площадь или в ГУМ.

Пляж Варе понравился. Чистый мелкий песок приятно согревал стопы. Зонтики из тростника, как большие конусообразные шапочки, приглашали устроиться на лежаках в своей тени. Небольшое кафе в виде деревянного остова старого корабля было абсолютно безлюдным. Под навесом сидели два официанта и с любопытством поглядывали на незагорелую приезжую. Варя гордо прошла к мостику, спиной ощущая их взгляды. Добротный настил из толстых деревянных брусков уже успел нагреться на солнце. Вода была потрясающе прозрачной. На дне можно было разглядеть камушки и мелкие ракушки. Рыбешки лениво шевелили плавниками среди мозаики теней, отбрасываемых мелкой рябью. Райское место для ныряльщиков. Скорее всего, такая тишина и покой здесь только в зимнее затишье, а вот летом тут столпотворение.

Варе вспомнился родной Геленджик. Зимой тоже немного приезжих, но вот купаться нельзя. Она присела на деревянный настил и носочком ноги потрогала воду. Вот это да, не меньше двадцати градусов. Девушка быстро скинула одежду и осталась в синем купальнике. Короткая стрижка прямых почти черных волос и худенькие плечики делали ее похожей на подростка. Она с детства любила цельные купальники, поскольку раздельными особенно нечего было подчеркивать. Как-то мать рассказала ей, что очень хотела родить мальчика, даже имя ему заранее придумала – Валера. Когда же родилась девочка, назвала в честь бабушки. Все детство Варя провела на море с мальчишками, хотя всегда оставалась замкнутой. Ее уважали за спокойный и надежный характер. Она всегда была другом, хотя многие сверстники и предлагали ей большее, но девушка подчеркнуто одинаково строго держала себя со всеми. Пролетели школьные годы, но никто так и не узнал, была ли она когда-нибудь влюблена.

Коротко разбежавшись, Варя резко оттолкнулась от края мостика и ловко прыгнула в воду. Она ныряла и плавала по-мужски быстро и без визга. Вода была более соленой, чем в родном Черном море. Даже защипало глаза с непривычки. Нужно раздобыть маску, чтобы понырять. А вот плавать было одно удовольствие. Правда, ниточка поплавков, ограничивающая водную территорию пляжа, была удивительно близко. Дома Варя никогда не купалась на центральном пляже, где было много приезжих. Она предпочитала прокатить-

ся на велосипеде подальше, на конец бухты, и уж там поплавать от души. Здесь же она проплыла метров сто вдоль берега и вернулась. Непривычная картина морского дна манила своей красотой. Раньше Варя только читала об этом и смотрела цветные фотографии, теперь все было рядом – только руку протяни. Ей захотелось бросить все на свете и парить в этой удивительной красоте, раствориться в ней, стать одним целым, но без снаряжения это не так просто. Варя перевернулась на спину и, раскинув руки, постаралась удержаться на поверхности. Надо же, в Черном море ноги у нее постепенно погружались в воду, а тут она свободно парила, чуть покачиваясь на волнах. Ей вспомнился восторг своего первого самостоятельного заплыва, когда она, устав, перевернулась также на спину и представила себя чайкой. Как давно это было, а теперь над ней голубое небо Африки. Зима. Ну не чудо ли? Удивительно, но лишь несколько человек загорали на пляже, да парочка в масках с трубками неумело молотила ластами у берега. Они восторженно пытались что-то прокричать друг другу в дыхательные трубки, отчего тишина оглушалась гортанными звуками.

Утолив первое любопытство, Варя вылезла на мостик и, не вытираясь, легла на теплые доски настила. Они в детстве так всегда купались на водной станции. Просидев по весне в прохладной воде до посинения, ватага подростков просто прилипала к прогретым просоленным доскам, подставляя спины под солнечные лучи. Здесь деревянные бруски

моста пахли иначе. То ли водоросли, то ли само дерево были иными, но запах был другой, более терпкий. Сквозь щели настила была видна вода и дно. Светлые полоски чуть наискосок проникали через прозрачную воду до самых камушков. Похоже, песок на берегу привозной, уж слишком он белый и мелкий. Морское дно с камушками, да и песок там крупный, желтоватый. Ее размышления прервал звонок сотового телефона. Отыскав в кармашке маленький изящный аппарат, подаренный матерью по случаю окончания школы, Варя привычным движением откинула крышку.

– Подруга, ты куда пропала, – услышала она звонкий голос Вики. – Мы тут девичник в бассейне устроили, давай к нам.

– Да я на пляже, – хотела было отказаться Варя.

– Море не уйдет, а вот девчонки обидятся.

– Викусик… – безнадежно выдохнула она.

– И не возражай. Тут рядом, – Вика уже взяла бразды правления. – От нашего домика поднимись чуть наверх и влево. Бар с бассейном под тремя высокими пальмами. Почему-то называется «BBQ», а вот «музон» приличный. Все. Ждем.

Варя неохотно поднялась. Пытаясь хоть как-то полотенцем высушить еще мокрый купальник, она ругала себя за то, что согласилась на условие коллектива перед поездкой в Египет на каникулы – быть всегда вместе. Не то чтобы ее вовсе не интересовали разговоры девчонок, но жить только этим ей было скучно. Поэтому в компании сокурсниц Варя обыч-

но молчала. Однако уговор есть уговор. Дома она и не подумала бы надевать одежду на влажный купальник, но на Востоке многие условности воспринимаются иначе.

– Зяблик, давай к нам!

Это прозвище прочно приклеилось к Варе с первого дня занятий в университете. И не потому, что она всегда мерзла. Скорее всего, ее фигурка именно так выглядела на фоне не по годам развитых сверстниц. Они были все как на подбор. Высокие, плотные, грудастые. Их будто проштамповали одной матрицей. Семь пышущих здоровьем, едва втиснутых в откровенные купальники женских тел возлежали в круглом бассейне с голубой прозрачной водой. Около каждой на бортике стоял высокий стакан с ярко-желтым соком. Варя, оставив одежду рядом с общей кучкой на стульчике, скромно скользнула в воду.

– Ахмед! – Вика щелкнула пальцами, подняв руку и не поворачивая головы к официанту.

– Ты уже познакомилась? – удивилась Варя.

– Да все они Ахмеды, – подмигнула подружка. Невысокий щуплый официант бесшумно приблизился с подносом, на котором стояли три стакана с разными соками. Варя, поблагодарив, взяла такой же сок, как и у всех. Едва официант отошел, Вика остановила ее.

– Погоди, плесни себе из пакетика.

– Что плеснуть? – не поняла она.

– Там в пакетике «доктор абсолют», – усмехнулась по-

дружка, показывая на пакет, в котором обозначилась литровая бутылка. – Добавь, сколько хочешь.

– Нет. У меня завтра погружение, – отказалась Варя. – Извините, девчонки.

– Вот так всегда, – тут же зашумела компания.

– Там ведь холодно.

– Мы ее теряем.

– А за первую сессию?

– Правда, мне нельзя, – не сдавалась Варя. – А то плохо будет.

– А вот нам будет хорошо!

Под общий одобрительный возглас дружная компания начала чокаться и поздравлять друг друга с каникулами, отпуском в Африке и предстоящими знакомствами с горячими восточными парнями. Первая сессия удивительно сплотила всех девчонок группы. Даже молчаливая Варя чувствовала себя в этой компании удивительно комфортно. Обычно она была молчаливой участницей многих девичников и походов в кино. Хотя над ней подшучивали и звали Зябликом, Варя чувствовала, что ее уважают. За внешней раскованностью и вызывающей манерой поведения скрывались обычные девчонки. Столица накладывала свой отпечаток на общение «старушек», но в душе почти все сокурсницы были добрыми и отзывчивыми. Так же, как она, они искали своего принца, только редко говорили об этом.

– Сегодня открываем сезон дискотекой, – низким груд-

ным голосом томно проворковала Жанна.

– Будем скакать до утра, – подхватила пышная Светлана. – *Я* худею.

– Слушайте, – оживилась Галка, – там какие-то мальчики впереди сидели. Они тоже в нашем отеле поселились.

– Да видела я этих мальчиков, – вмешалась Наташка. – Оба вегетарианцы. Со стюардессой ругались, что им вместо заказанных овощей мясо предлагают.

Она хихикнула.

– А чернявый все блондину влажные салфетки предлагал, а тот обижался, что они ландышем пахнут.

– «Голубые», что ли? – Вика шлепнула рукой по воде. – Откуда они только берутся?

Компания оживилась, дружно вспоминая и изображая в лицах недавнюю историю Вики, которая пала жертвой обмана. Из параллельной группы мальчик, на которого та глаз положила, оказался «голубым». Он так долго стеснялся в этом признаться, что дотянул до последнего. Когда же решающий момент, тщательно спланированный всей компанией, настал, он сознался, стоя у последней черты. Чертой была обнаженная Вика с распростертыми руками на огромной кровати Наташкиных родителей, заблаговременно отправленных в театр. Рубикон не был перейден, а посрамленный Цезарь до сих пор опускает при встрече свои пышные ресницы и краснеет. Ну он же не виноват. Природа!

– Слушайте, девы, – прервала веселье Вика. – А у арабов

тоже «голубые» есть?

– А как ты думаешь? – язвительно заметила Светка. – Почему у них разрешено по четыре жены иметь?

– Это чтобы никому обидно не было? – сделала удивленное лицо Вика.

– Выходит, – вмешалась Галка, – трое из четверых тут «голубые».

– Нет, православные, – Вика резко вскочила из воды почти по пояс, отчего ее пышная грудь всколыхнулась так призывно, что стоявший у стойки бара официант звякнул посудой. – Я против дружбы народов. Я буду только со славянами.

– Сядь, красавица, – хихикнула Жанна. – А то твой Ахмед уже устремился в объятья.

Все обернулись. Щупленький официант действительно торопился к бассейну с подносом. Дружный девичий хохот разлетелся звонкой стайкой между пальмами в поисках достойных слушателей. Однако никто из представителей сильного пола не откликнулся на скрытый призыв. Лишь арапчонок с подносом, подобострастно улыбаясь, застыл у бортика, предлагая сок.

– Эх, перевелись гусары на белом свете, – с театральным жестом грустно вздохнула Вика. – Нет бы, ведро шампанского девушке предложить, – грустно вздохнув, сожалела она, погружаясь в голубую воду бассейна.

– Не путай себя с молодой кобылкой, – улыбнулась Наташка. – Ведерко тебе, подруга, не осилить. Разве что мы по-

можем.

– А что, хорошая мысль, – подхватила Светлана.

– По ведру на девичью грудь, – гулко отозвалась Жанна.

У нее был своеобразный, грустный юмор. Впрочем, небезосновательный. Который год она высматривала себе богатыря среди «вьюношей», но все они оказывались мелкой породы. Иногда отчаяние овладевало девушкой, и она кидалась на грудь подруге, дабы выплакать вселенскую печаль. Однако печаль была таких же необъятных размеров, как женские прелести Жанны. Этот процесс был бесконечным. Единственное, что спасало несчастную, так это присутствие юмора. Вся компания уже привыкла к его целительному воздействию и старалась поддерживать Жанну в любом начинании. Только бы не допустить извержения слез! Каждый раз, когда это случалось, процесс выглядел так драматично, что рвал в клочья душу любого присутствующего. Не в силах оставаться в стороне, девчонки подхватывали «песню» Жанны. И тогда хор молодых, истерзанных, несчастных дев набатом раскатывался по окрестностям. Не приведи Господь случиться этому здесь! Каникулы будут омрачены.

– Сейчас, моя радость, – вскинулась Вика. – Я ж запаслась в аэропорту по полной программе.

Не вынимая из пакета бутылку, она быстро пробежала вокруг бассейна, добавляя в стаканы с соком «докторскую абсолютную настойку».

– В жару, на солнце… вы с ума сошли!

– Мы никуда не летим, девочки.

– Ой, а хорошо-то как!

– За нас!

Веселая компания кинулась чокаться, отчего в небольшом бассейне пошли волны. Однако они и отдаленно не напоминали ту бурю, что таилась в душе у каждой. Нервное напряжение после зачетов и экзаменов, несбывшиеся мечты и неоправдавшиеся надежды требовали выхода. У некоторых это проявляется в крутой попойке, у этих девчонок накопленные отрицательные эмоции вырывалась на дискотеках. Они могли часами отдаваться своеобразным танцам, щедро расплескивая накопленный потенциал. После чего местные уфологии фиксировали с помощью своих хитроумных приборов небывалые выбросы энергии внеземного происхождения.

– Кстати, подруги мои, – Вика многозначительно замолчала. – Ахмед обещал сегодня в девять африканское шоу.

Она обвела всех загадочным взглядом.

– Жанночка, радость моя, там будут настоящие негры, а не очкарики из библиотеки. Мы устроим здесь засаду и поймаем какого-нибудь слоненка. Тебе вечером нужно быть во всеоружии. Все весело зашумели, наперебой предлагая услуги по нанесению боевой раскраски перед охотой. Женщины бывают удивительно солидарны в достижении общей цели и очень коварны, если их интересы пересекаются.

Допив остатки самодельного коктейля, уставшие наслед-

ницы Дианы отправились по норкам готовиться к предстоящей охоте. Лишь Варю не затронули планы на вечер. Она позвонила маме и тетушке в Москву, стараясь уберечь их от волнений. А главное, она связалась по телефону с русскоговорящим менеджером местного клуба дайверов «Акванавт». Еще в Москве, как только ей вручили путевку в Египет после отлично сданной зимней сессии в университете, Варя отыскала этот клуб по Интернету. Она все заранее подготовила и оплатила. Не зря же она весь декабрь подрабатывала в туристическом агентстве, не зря сдала экзамены в клубе, куда ее привел Борис. Она стала дипломированным дайвером и сразу может приступить к погружению. С инструктором, конечно. Завтра состоится ее первое свидание с Красным морем. Поскольку сейчас не сезон, менеджер клуба обещал прислать за Варей машину прямо к отелю. Везет же некоторым!

Глава II

Привычная мелодия будильника в сотовом телефоне быстро вывела Варю из сна. Час разницы во времени по сравнению с Москвой позволил ей встать в шесть по местному времени привычно, будто она собиралась в университет. Девушка раздвинула шторы. Солнце еще пряталось за утренней дымкой над морем. Настоящая восточная сказка, полная загадок и ожиданий, не всем из которых суждено сбыться, но главное ведь не в этом. Предвкушение и неизвестность – вот что нас всегда завораживает и манит. Стоя у незримой черты дня и ночи, когда туман еще сливается с таинством, рисуя в воображении невероятные, переливающиеся контуры чего-то неосознанно желаемого, можно застыть, затаить дыхание и ждать. Ждать с замиранием сердца, что вот сейчас это случится. Что-то произойдет. Оно ворвется в жизнь, переполняя её чем-то новым, неизведанным, тем, что прячется в предрассветной дымке. Нужно только страстно желать этой встречи. И когда душа романтика открывается навстречу, ее обязательно наполнит восторг восхода над безбрежным океаном, вид заснеженных, искрящихся под первыми лучами солнца горных вершин, царапающих голубое небо или безмолвный подводный мир, куда пробиваются лучи фонарей дайверов, спускающихся в глубину, как боги с небес.

Определенность свойственна прагматикам, может по-

двигнуть их разве что к утреннему восхождению на гору Моисея, где, продрогнув в темноте, они, наконец, дождутся того момента, когда из-за соседних вершин блеснет ослепительная вспышка первых лучей нового дня. Но пробудит ли это что-нибудь в душе такого реалиста, блеснет ли озарение, снизойдет ли благодать? Сие зависит только от этой самой души. Не зря наши мудрые предки оберегали некоторые знания от непосвященных. Неподготовленные, неокрепшие души могут не выдержать груза ответственности и превратить высокое в низость. Неслучайно все мировые религии предупреждают человека о соблазнах, которыми зло пытается завладеть невинными душами. Одни рисуют страшные картины монстров, другие мудро говорят, что все скрыто в тебе, человек. В твоей душе.

Варя вышла на лоджию, всем своим телом ощущая утренний холодок. Ее простенькая «ночнушка» под натиском утреннего бриза потянула девушку назад, в теплую постель, но попытки были тщетны. Раскинув тоненькие руки в стороны, Варя глубоко вдохнула, закрыв от удовольствия глаза. В утреннем воздухе витал запах детства – соленого моря, водорослей и цветов. Египет даже в январе украшен живыми цветами. Только поливай их. У некоторых пальм верхушки пеленают на зиму чем-то вроде рогожи, укрывая от ветра, а вот цветы на клумбах не перестают цвести. Новые запахи мешали представить Варе, что она дома, и все же что-то родное было в этом раннем утре. Сколько раз прежде она пы-

талась представить себе свою встречу с Африкой. Далекой и таинственной. Рассказы матери о Египте сформировали у девочки в некую картину этой загадочной, овеянной легендами страны, но все оказалось иначе. Не то чтобы это произошло запросто или она захлебнулась от восторга. Скорее, сейчас она встретила интересного человека и начала знакомство осторожно, издалека.

Варя ощутила теплое прикосновение к щекам. Она прислушалась к этому ощущению и поняла, что это солнце. Его первые лучи уже прогоняли дымку с поверхности моря, синяя поверхность которого подернулась позолотой, искрящейся на волнах редкими искорками. Вот и первый восход в Африке. Варе вспомнилось, что самые лучшие погружения в Красном море считаются утренними, и она заторопилась одеваться.

– Это ты, Орлова? – окликнул ее уверенный голос.

– Я, – Варя обернулась.

– Скорее, Воробьева, – язвительно констатировал тот же голос.

На подушках одного из диванчиков, расположенных под навесом у входа в гостиницу, курила молодая загорелая блондинка. Ее насмешка несколько задела Варю, но она старалась не подавать вида. Многие при знакомстве подтрунивали над явным несоответствием фамилии и телосложения девушки.

– Я тебя уже минут пятнадцать жду, – все еще недруже-

любно продолжала незнакомка.

– Извините, – стушевалась Варя.

– Ладно, давай знакомиться, – блондинка протянула не очень ухоженную руку с длинными пальцами. – Маша. – Потом усмехнулась: – Просто Мария.

– Варя.

Едва их руки соприкоснулись, настороженное выражение лица смягчилось, а взгляд потеплел. Обе почувствовали какую-то симпатию друг к другу, но не решились об этом сказать вслух.

– Пойдем к тому синему «Форду», – бросила на ходу блондинка.

Варя едва поспевала за ней. Хорошо, что она догадалась надеть кроссовки и джинсы, а то бы и вовсе не угнаться. Отставать не хотелось. Едва дверцы машины захлопнулись, Мария рванула с места. Ловко лавируя между припаркованных машин, «Форд» выскочил на автостраду, и ветерок запел свою песню, заглядывая в открытые окна старенького «американца».

– Сертификат взяла? – не оборачиваясь, спросила блондинка.

– Вот…

– Потом покажешь, – остановил ее властный голос. – Катер уже готов, сразу и пойдем.

– А инструктаж? – робко поинтересовалась Варя.

– По дороге все расскажу, не переживай, до Дахаба кило-

метров восемьдесят, – Маша обернулась и смерила взглядом своего пассажира. – Сейчас не сезон, ты будешь одна на борту, как принцесса.

Потом снисходительно добавила:

– Со мной пойдешь, не бойся.

– Да я не боюсь, просто думала, что сначала надо…

– Воробышек, у тебя сколько погружений? – прервала ее блондинка.

– Двадцать пять, – гордо ответила Варя. – Я на двенадцать метров ходила.

– А тут впервые?

– Да.

– Тогда начнем с двадцати, – бросила Маша, сигналя при обгоне тащившейся посредине шоссе старой машине. – Я буду у тебя инструктором, старайся ничего не скрывать и обо всем спрашивать. После двух трупов в новогодние каникулы все клубы трясут проверки из Каира, и мне бы очень не хотелось потерять лицензию.

– Хорошо, – сухо ответила Варя.

– А ты сама путевку в наш клуб заказывала?

– Да, неделю назад, по Интернету, – оживилась Варя. – Я сессию досрочно сдала, и мне тетя с дядей подарили недельный тур в Египет. Правда, только в гостиницу, а за «Аквалангнавт» я сама платила.

– И что, они не знают о том, что ты собиралась к дайверам?

– Вообще-то, нет.

– Так, – осуждающе протянула блондинка. – Впрочем, спасибо, что не соврала.

Унылый пейзаж не располагал к оживленной беседе. Прямое шоссе пролегало через пустынную местность, без всякой растительности. Огороженные стенами отели с зеленой растительностью внутри лишь усиливали впечатление того, что жизнь давно покинула эти места. Очевидно, немалого труда стоило создавать оазисы в виде красивых отелей в этих выжженных солнцем и сухими ветрами краях. Варя время от времени с любопытством поглядывала на своего инструктора. Еще в Москве она удивилась, как много русских занято в туристическом бизнесе Египта, особенно в клубах дайверов. Впрочем, этому находилось простое объяснение. Миллионы приезжих приносили миллиарды долларов в страну ежегодно, а Россия, по многим оценкам, занимала второе место в рейтинге по количеству туристов.

Мария выглядела крепкой, уверенной в себе женщиной лет двадцати пяти. Впрочем, грусть, глубоко спрятанная в красивых, слегка раскосых глазах, подсказывала, что ей могло быть уже и тридцать. Она явно ухаживала за своим лицом, но старалась делать это не броско, а как-то небрежно. Будто говорила, что не ищет, не привлекает мужчину, что тут у нее полный порядок. Но подчеркнутая независимость в поведении говорила об обратном. Она была одинока, поэтому подсознательно старалась навязать мысль о благопо-

лучии в личных взаимоотношениях. От Вари не ускользнул тот факт, что, хотя ее новая знакомая уверенно и даже лихо водила машину, руль она почти все время старалась держать обеими руками. Значит, опыта у нее маловато, но это компенсируется риском. Она любила рисковать и находила в этом удовольствие. Такие не становятся домохозяйками и не любят сплетничать. Такие предпочитают все пробовать и делать самостоятельно, нежели обсуждать поступки других.

Одевалась Мария тоже достаточно просто: свободные джинсы, футболка, кепи, из-под которой выбивались шикарные золотистые локоны. Когда Варя спешила следом за своей наставницей к машине, то заметила, что ее инструктор ставит ноги широко, даже чуть шире, чем это делают деловые американки. Похоже, она действительно много времени проводит на борту судна. Однако нужно отдать должное ее точеной фигуре. Свободная одежда не могла скрыть женственности, просто излучаемой этой женщиной. Изящные руки с длинными пальцами были по-мужски сильными, но и ласковыми одновременно. Еще Варе понравилось, что они были теплыми. Не влажными и холодными, как у некоторых знакомых, а именно теплыми. К ним было приятно прикасаться. Хотя маникюр им бы не повредил. Лицо не казалось красивым, оно было правильным. Украдкой осмотрев свою соседку, Варя подумала, что если им заняться, то можно нарисовать прелестное личико.

– Хочешь спросить, что тут делает эта блондиночка? –

усмехнулась Мария. – Не напрягайся, – остановила она пытавшуюся возразить девушку. – Все просто. Приехала, понырялa и зависла. Я уже год здесь.

Какое-то время они ехали молча, каждая думая о соседке. Вот ведь бывает такое, что встречаются незнакомые люди и начинают анализировать поведение друг друга. Им почему-то многое становится понятно в поведении другого без объяснений, будто они читают по-написанному о новом знакомце. И чем больше они угадывают, находя подтверждение своим открытиям, тем увлекательнее становится этот процесс.

– Ну-ка, расскажи мне, воробышек, что ты знаешь о газовых смесях при погружениях на разные глубины, – не отрываясь от дороги, вдруг спросил инструктор. – И как нужно проводить декомпрессию?

Варя, как на экзамене, отчеканила инструкции и прочитанные статьи по техническому погружению на глубины до двухсот метров. Конечно, у нее не было такого опыта, но знания и непреодолимое желание давали надежду, что она когда-нибудь перешагнет стометровый рубеж.

– А снаряжения своего ты, как я понимаю, еще не приобрела?

– Нет, но я все оплатила по тому прейскуранту, что опубликован на вашем сайте.

– Понятно, – гуру помолчал. – Помни всегда только одно: не суетись. Что бы ни случилось. Всегда подумай, прежде

чем сделать. В воде жизнь течет медленнее, и чем глубже, тем сильнее это правило.

В том, как Варя не торопилась с ответом, проявился ее характер. Это понравилось Маше. Скольких дайверов она повидала на своем недолгом веку… Уверенные в себе мужчины, казавшиеся оплотом спокойствия и надежности на суше, вдруг терялись на глубине. Запаниковав от ерунды, они начинали метаться, бросали снаряжение, губили себя и бросавшихся им на выручку товарищей. «Служенье муз не терпит суеты». А та, что обитает в синих глубинах, не терпит вдвойне. Она манит к себе издалека. Как прародительница всего живого на земле, что вышло когда-то из воды, она повелевает на уровне какого-то инстинкта всеми живущими в разных странах. Однажды вспомнившие что-то хранившееся веками в генетической памяти, они стремятся в ее владения. И чем глубже они погружаются, чем ближе они к той, что обитает в синей глубине, тем чаще бьется их сердце от охватившей эйфории.

– Я буду рассказывать наши незатейливые правила, воробышек, а ты запоминай, – Маша искренне улыбнулась своей новой ученице. – Все отработано годами и основано на опыте тех, кто вернулся. Ничего не изобретай. Мы, как саперы, слушаем только тех, кто выжил. Они подтвердили свою правоту жизнью. Есть, конечно, те, кто пытается перешагнуть за известную грань, но это элита. Сумасшедшая элита. Те, кому мало. Нам до них далеко. Инструктор говорил удивительно

просто и логично. По-мужски, без эмоций, сухо. Это не звучало как нравоучение или нотация. Грустные нотки говорили о том, что она и сама сомневается. Слишком часто смерть выдергивает из рядов дайверов полных сил молодых людей и быстро возвращает, но уже не живых, а то и вообще забывает вернуть даже тело.

– Ну, вот мы и приехали.

Мария лихо втиснула свою машину почти вплотную с другими припаркованными у причала авто так, что обеим пришлось протискиваться в едва открывшиеся двери.

– Подожди, я зарегистрирую маршрут у диспетчера, – подмигнула Мария. – Порядок нужно соблюдать. Через пару минут отчалим.

Большой катер «Морская звезда» был похож на десятки других, пришвартованных у причала или стоящих на якоре в бухте. В будочке, у входа на причал, скучал охранник в форме. Проходя мимо него, Мария что-то сказала приветливым тоном. Расплывшись в белозубой улыбке, тот залопотал в ответ и без перевода понятные комплименты. Да, эти мужчины, везде они одинаковы. Стоит им увидеть хорошенькую женщину, как они распускают свои перья, дабы привлечь внимание к своей персоне. Опытные женщины этим так легко пользуются.

– Обувь оставь в той коробке, – подсказала Маша, ловко запрыгнув на борт.

– И кто же звезда на этом море? – пошутила Варя, снимая

свои кроссовки. – В чью честь названа эта яхта?

– Сегодня твой день, воробышек, – бросила на ходу Маша.

– Пусть это будешь ты.

Варя прошла следом за ней в большую каюту, где за одним из длинных столов сидели трое и пили чай. Мужик лет сорока с солидным животиком и двое молодых щуплых египтян. Они обменялись приветствиями с Машей и с любопытством стали разглядывать Варю. Та назвала свое имя, но не запомнила прозвучавшие в ответ.

– Садись-ка, перекусим, – пригласила Маша гостью за стол.

– Ты ведь не позавтракала. Чай у нас хороший. Попробуй. Давай-давай, не стесняйся.

Видя, как девушка замялась, добавила с усмешкой:

– Узнаю русского интеллигента. Все оплачено, дружок: и завтраки, и обеды, и ужины. Ты никого не обременишь. Сказав что-то, солидный мужчина встал из-за стола. Двое щупленьких вскочили следом за ним. Они не были похожи на матросов. На них были просторные светлые футболки и длинные серые штаны. На первый взгляд оба были похожи, как братья. Так часто бывает в незнакомой стране, где на улице встречных трудно отличить одного от другого. Темные короткие волосы, невыразительные лица, разве что живые глаза с любопытством лукаво разглядывали незнакомку. Они были покрупнее Вари, но по сравнению с ребятами из московского клуба дайверов, где занималась Варя, выгляде-

ли подростками. У двери каюты один из них обернулся и сверкнул белозубой улыбкой, явно предназначавшейся Варе. Обе заметили это, но лишь Маша обронила непонятную фразу, укоризненно покачав головой. Арапчонок, уже исчезнувший из вида, вновь появился в дверном проеме, озаряя все лукавой улыбкой. Его невыразительное лицо оживилось, а глаза просто сияли. Он хотел что-то сказать, но суровый голос сверху окликнул его, и шустрый малый исчез.

– Они балдеют, когда видят наших девочек, – улыбнулась Маша, наливая чай.

Яхту качнуло. Однако ни одна капля не пролилась мимо. Чай был и вправду хорош. Ароматный, янтарный и удивительно приятный. Вот только горячий, как кипяток.

– А мы что, уже поехали? – робко спросила девушка.

– Пошли, – поправила ее Маша. – Я все думаю, какой костюм тебе подобрать, воробушек. Комплекция у тебя отнюдь не орловская, – она усмехнулась: – У нас размеры костюмов – трое таких, как ты, войдут. Разве что у Бусама попросить. Он так вытянулся за год, что теперь свои доспехи вешает сушиться рядом с остальными. А прежде очень стеснялся и вешал костюм в сторонке.

Через несколько минут матросики вернулись, усевшись рядом за стол. Они наперебой что-то начали обсуждать с инструктором, поглядывая на девушку. Английскую речь Марии Варя понимала легко, а вот ответы египтян порой ставили ее в тупик. Заметив это, общительная блондинка успо-

коила ее, сказав, что многие местные знают два-три десятка слов по-английски. Только богатым доступно хорошее образование, остальные довольствуются малым.

– Ты произвела впечатление, – лукаво улыбнулась Маша. – Бусам готов дать тебе свой костюм. Это что-то новенькое. Обычно он очень ревностно относится к снаряжению.

– Я обычно просто подворачивала рукава и штанины, – начала было Варя.

– Нет, девочка, моя, – инструктор был неумолим. – Все должно быть правильно.

Они вышли на палубу. Свежий морской ветерок бодрил. Варя краем глаза заметила, как свободная одежда на Маше жадно прилипла к ее телу, обрисовывая соблазнительные контуры. Высокая упругая грудь, плоский живот и крутые бедра дразнили и притягивали взгляды. Будто почувствовав это, Маша улыбнулась ей такой чарующей улыбкой, что Варя смутилась, но та уже легко вспорхнула по трапу на смотровую палубу, сверкнув пятками.

Последовав за блондинкой, девушка, к своему удивлению, обнаружила там мягкие белоснежные маты для загара на диванчиках и низкие столики. Все сияло чистотой. Впереди, за штурвалом, на высоком кресле сидел знакомый здоровячок.

– Наш славный Самих спрашивает тебя, – перевела вопрос капитана Мария, – хочешь ли ты посмотреть Зеленую долину?

– Наверное, – помедлив в нерешительности, ответила де-

вушка. – Я ведь впервые.

– Тогда решено, – твердо заявила Маша. – Для новичка это идеальное место. Через полчаса будем там. Пойдем одеваться, да и проверим все еще раз.

Яхта резво удалялась от берега, который еще спал. Полоска пляжей была безлюдной. Даже бухточка, откуда они только что вышли, не проявляла признаков жизни. Впрочем, впереди, на параллельном курсе, виднелись два таких же белоснежных судна.

– Ой, смотрите, – встрепенулась Варя. – Там тоже кто-то идет.

Неподалеку параллельным курсом голубую равнину моря рассекала такая же яхта. Она выглядела безлюдной. Резкий гудок дал понять, что их заметили. В ответ раздался такой же.

– Сейчас самое время, – инструктор деловито осматривал маленький костюм, предоставленный улыбчивым парнишкой для приезжей. – Утром все просыпаются, и посмотреть на это стоит. Протянув костюм Варе, скомандовала:

– Надевай.

И действительно, наметанный глаз инструктора не ошибся. Костюм пришелся впору. Девушка сделала несколько различных движений, проверяя подвижность. Ничто не стесняло ее. Акваланг выбрали небольшой, на десять литров.

– С этой штукой знакома? – Мария серьезно посмотрела на свою подопечную.

– Ручной компьютер. VR3. – отчеканила Варя. – Показывает давление в баллонах, глубину, время, рассчитывает режим декомпрессии.

– Молодец, студент, – улыбнулась Маша. – Работала с ним?

– Да, у нас в клубе такие были.

– На дыхании не экономь, – их глаза встретились. – Поглядывай на него почаще и дыши. Погода хорошая. Сегодня поныряем вдоволь.

– Я Вас не подведу, – почему-то выпалила Варя.

– Обо мне не думай, воробышек, – инструктор был серьезным. – Я буду рядом, но надейся только на себя. Тут, в кармашке, запасная маска, тут свисток, тут нож. – Она заботливо поправила морщинку на костюме. – Потеряешь загубник – не забудь, он всегда за спиной. Кораллы брать нельзя. Ну, пойдем?

Вода была удивительно прозрачной. Настолько чистой, что расстояние в десять-пятнадцать метров, которое отделяло ныряльщиков от поверхности дна, скрадывалось. Казалось, руку протяни— и дотронешься до вездесущих клоунов. Шустрые, в яркой раскраске, они то прятались в водорослях, то выскакивали из них. Варя осмотрелась. На десятки метров во все стороны под ней простиралось удивительно ровное плато, покрытое зелеными кораллами. Она оглянулась. Мария в темно-синем костюме парила чуть в стороне от нее, явно наблюдая за своей подопечной. Она развела

руки в стороны, показывая жестом, что вся эта красота сейчас принадлежит Варе. Можно двигаться в любую сторону, приблизиться к приглянувшемуся кусту коралла, поиграть с рыбкой, кувыркаться.

Варя выросла на море и любила нырять с маской, но такой красоты она еще не видела. Буйство красок поражало. Стайки самых разнообразных рыб населяли этот мир. Вот все синхронно ринулись в одну сторону и затаились, это несколько барракуд погнались за добычей. Вот справа блеснуло, словно зеркало, – стая плоских, отливающих серебром рыб увильнула от опасности. Над небольшой полянкой серого песка распустила свои шикарные плавники крылатка. Покрытые, как у зебры, вертикальными полосками, они торчат во все стороны, отпугивая остальных обитателей. Толстенький глазастый кузовик, ощетинившись острыми шипами, деловито занят поиском съестного. Заметив Варю, большой осьминог налился красной краской, притаившись у коралла в виде небольшого дерева. Потом, решив не рисковать, метнулся в сторону мощными толчками, маскируя свой отход облаком выброшенных чернил. Сбоку медленно приближается огромный, более центнера, пятнистый группер. Его водянистые глаза устремлены на девушку. Она замирает, даже не шевеля ластами. Любопытный губошлеп чуть приоткрыл пасть, обнажая острые зубы. Он медленно проплывает рядом, косясь на новичка. Течение медленно проносит девушку над Зеленой долиной.

Бусама стоял на смотровой палубе, положив обе ладони на отполированное дерево поручней. Он следил за пузырьками воздуха, поднимавшимися из прозрачной глубины. Они серебристыми цепочками наперегонки устремлялись к поверхности. Вот почти непрерывным потоком идут пузырьки новичка, а рядом побольше обозначаются редкие выдохи инструктора. Бусама четко представлял себе восторг девчонки, впервые увидевшей красоту подводного мира. Уже пять лет он помогает на этой яхте дяде Самиху. В четырнадцать он попросил отца разрешения пойти работать. Учиться ему не хотелось, да и денег в семье на это не было. Он был пятым ребенком, и продолжать дело отца ему не удастся, этим займутся старшие братья. А море всегда манило его. Бусама запомнилось, как однажды, ему было лет пять, отец взял его на морскую прогулку. Тогда у дяди Самиха еще не было своей яхты, он попросил у хозяина в такой же зимний сезон прокатить родственников в свой день рождения. Туристов не было, и яхта на день заполнилась мужчинами из их рода. Он немного боялся этого бескрайнего моря, и все время старался держать отца за руку, а тот посмеивался и, запустив свою огромную, сильную руку в его жесткие короткие волосы, прижимал сына к себе. Бусама почти ничего не ел и не играл тогда, а все смотрел и смотрел на удивительную воду. Спокойную и покорную. Она позволяла белому форштевню бесшумно разрезать себя. В этой податливости таились кротость и уважение к силе. Бусама всегда хотел быть сильным,

но ни семейное положение, ни его тело не позволяли надеяться на это.

Когда ему минуло четырнадцать лет, он все лето провел с дядей Самихом на яхте, помогая обслуживать туристов. Он выполнял все прихоти богатых светлокожих приезжих, подавая, помогая, принося, поддерживая и расставляя по местам. Он собирал и мыл посуду, сушил и укладывал снаряжение, принимал ящики и пакеты с провизией на борт. Дядя остался доволен шустрым парнишкой и договорился с отцом о постоянной работе. Бусама кое-как окончил школу и начал зарабатывать деньги. Но главное, он сроднился с подводным миром. Когда наплыв дайверов заканчивался и наступал мертвый сезон, дядя обучал его секретам мастерства ныряльщиков. Это так нравилось парнишке, что он самозабвенно занимался любимым делом с утра до вечера. Он быстро освоил все хитрости дайверов, что теперь мечтал о том, чтобы скопить денег на штурманские курсы, а потом и выкупить у кого-нибудь яхту.

Приезжая девушка из далекой Москвы ему очень понравилась. У нее были изящная, даже хрупкая фигура и удивительно нежный взгляд. Бусама не любил развязных и часто вульгарных приезжих дам. Обычно все они отличались своенравным, вызывающим поведением, а уж как одевались, и говорить не приходилось. Дядя Самих не раз говорил ему, что у этих европейцев свои порядки и не стоит их за это осуждать. Они платят хорошие деньги. И действительно, за

лето вся команда зарабатывала себе средства, чтобы продержаться до следующего сезона.

Варя проверила количество воздуха в баллоне по компьютеру, закрепленному на запястье. Осталось немного. Она решает сэкономить на дыхании, меньше двигаясь. Распластавшись над удивительным подводным миром, Варя парит, жадно рассматривая его детали. Сверху надвигается огромная медуза. На фоне синей поверхности моря она была отчетливо видна. Вот медуза вошла в светлое солнечное пятно. Окаем прозрачной мантии заиграл всеми красками радуги. Лучше ее не трогать, а полюбоваться издалека. Будто заметив наблюдателя, огромная красавица не торопится скрыться, величественно проплывая мимо.

Внезапно появляется черепаха. Большая, покрытая черно-желтыми пятнами, она ловко маневрирует с помощью своих ласт. Голова оканчивается мощным клювом, но наполовину прикрытый складчатым веком глаз придает ей не угрожающий, а грустный вид. Варя не решается оседлать старушку и покататься, как это делали герои просмотренных ею фильмов о Красном море. Ее внимание привлекает яркая полянка, где собрались сразу несколько видов кораллов – плоские, будто высохшие кусты Гаргонарии, пышная поросль каких-то светло-серых кустов, бордовые плотные побеги с фиолетовыми цветками сверху и невысокое настоящее деревце с плотным ярко-красным стволом и короткими ветвями, на

которых приютились белые побеги. Красота. И тут же снуют вездесущие клоуны.

Варя смотрит на показания прибора. Пора подниматься. Она оглядывается. Инструктор висит чуть выше и справа. Не вмешиваясь, он только контролирует действия своего подопечного. Девушка показывает, что начинает подъем. Глубина небольшая, и процесс проходит без проблем. На поверхности Варя оглядывается: яхты не видно. Надо же, как сильно снесло ее течением от места погружения. Рядом всплывает Мария. Сдвинув маску с лица на лоб и взяв в руку загубник акваланга, насмешливо смотрит на свою ученицу. Та понимает, что подсказок не будет. Достав свисток из карманчика гидрокостюма, девушка подключает его к баллону. Там еще достаточно давления, и раздается такая оглушительная трель, что закладывает уши. Повторив дважды этот сигнал, они ожидают подхода яхты.

Амиль курил на корме яхты, когда издалека послышался знакомый надрывный призыв свистка. Дайверы уже закончили погружение и ждут яхту. Он крикнул капитану Самиху. Тот отозвался, что слышит тоже. По второму сигналу они уже точно знали направление, и яхта резво взяла с места. Амиль поднялся на смотровую палубу и взял бинокль. В такую погоду он был уверен, что издалека заметит яркие костюмы дайверов. В этом месте, над ровным плато, называемым Зеленая долина, течение у самого дна было сильным.

Новички всегда стремились все потрогать руками, и дайверов относило на несколько километров от места погружения. У поверхности же течения почти не было. Правда, порой ветер компенсировал разницу в скорости, но сегодня было очень тихо.

Амилю уже стукнуло двадцать шесть. Пора было думать о женитьбе, но он должен был скопить денег, чтобы выбрать достойную невесту. Аллах никак не хотел помочь ему, хотя Амиль вел себя, как подобает правоверному мусульманину. Он вырос в небогатой набожной семье и с детства впитал в себя обычаи предков. Следуя заветам пророка Мухамеда, стремился к миру и почитанию незыблемых законов мусульманства. В часы раздумий Амиль спрашивал Аллаха, почему тот несправедлив к нему, ведь он так свято верит в него и живет по Корану.

Год назад в один из таких же прохладных зимних дней появилась эта удивительная русская со странным именем Мария. Амиль влюбился в нее с первого взгляда. Да и как было не влюбиться в эту красавицу, в которой непонятным образом сочетались нежная женственность, вызывающая сексуальность и властность фараона. Да, она непременно в одной из прошлых жизней была фараоном. От Марии исходила удивительная сила, она манила к себе, порабощала, влекла.

Амиль почувствовал, как его ладони вспотели. Он вспомнил, как однажды коснулся груди этой красавицы. О, это было незабываемо. Его тогда обожгло, парализовало на миг. Он

ощутил дьявольский огонь сначала на спине, куда уперлись ее упругие горячие соски, а потом этот жар опустился ниже. Он полыхал в животе, возбуждая его мужское естество. Он никогда не забудет ее насмешливых глаз, которые просто прожгли его насквозь, когда он медленно обернулся, чтобы извиниться. Это было на третий день пребывания пьяной компании богатых русских, приехавших понырять в начале января в Дахаб.

У Амиля опять сладко заныло внизу живота. Так всегда бывало, когда он вспоминал тот давний случай. Это было первым их соприкосновением, но оно до сих пор волнует. Еще тогда Амиль решил, что Мария будет его. Он не знал, когда и в качестве кого, но она будет принадлежать ему. Аллах услышал его молитвы и ниспослал ее. Осталось только подождать. За этот год он многое вытерпел, он и еще будет терпеть. Сколько нужно. Но он добьется своего. Аллах шепнул ему, что светловолосая была потомком великих фараонов и пришла сюда, чтобы возвысить его, Амиля. Он будет обладать ею, и обладать великой тайной фараонов.

В бинокль были отчетливо видны две головы над поверхностью голубой равнины. Мария приветственно помахала рукой. Она знала, что Амиль наблюдает за ней, она знала, что он всегда рядом. Ему стало приятно от сознания того, что он сумел внушить ей эту простую мысль.

Поднимаясь по отполированной до блеска металлической

лестнице, спущенной с кормы яхты «Звезда морей», Варя чувствует, что переполнена восторгом. Ей хочется без остановки рассказывать об увиденном под водой. Заметив лукавую улыбку Бусама, помогающего ей снять снаряжение, Варя понимает, что это реакция так знакома бывалым дайверам, что сдерживает свой порыв. Неожиданно приятным оказывается накинутый заботливой рукой нагретый белоснежный халат. Девушка закутывается в него, оставляя снаружи только лицо. Все-таки январь дает о себе знать. Только сейчас Варя понимает, что замерзла. Мария, уже успевшая облачиться в такой же белоснежный халат, обнимает ее за плечи и тянет в каюту.

– Пойдем пить чай, воробышек.

– И правда, так пить хочется, – соглашается Варя.

– Это нормально, – успокаивает ее инструктор. – Воздух в баллоне сухой.

Они с наслаждением пьют обжигающий ароматный чай, обхватив горячие стаканы ладонями. Яркий солнечный свет проникает через иллюминаторы в каюту и отражается веселыми зайчиками от стеклянных стаканов и янтарной поверхности напитка в них. Тепло и уютно. Варя проникается благодарностью к своему новому инструктору. В московском клубе ее постоянно дергали за каждую ошибку, а эта не мешала во время погружения, да и сейчас не торопится отчитывать за промахи. У нее немного усталый взгляд, но очень добрый. Глаза не голубые, как у многих блондинок, а

светло-серые, почти прозрачные. От этого возникает желание заглянуть в них глубже, чтобы узнать, что там скрывается. Поймав себя на этой мысли, Варя смущенно отводит взгляд. Она уже пьет третий стакан горячего чая и не может напиться. Ей хочется рассказать об увиденном, но безмолвие Маши останавливает ее порыв. Они молчат, поглядывая друг на друга.

– Я что-то делала не так? – первой не выдерживает Варя.

– Все так, воробышек, – мягко улыбается инструктор. – Только дышала через раз и потеряла направление. Хотя это было плато. Ровное и широкое. Постарайся чаще отмечать для себя ориентиры. Поглядывай по сторонам и на солнце. В рифах заблудиться несложно. За час тебя далеко снесло в сторону.

– А мы пойдем в Каньон? – вспыхивает Варя, пропуская мимо ушей замечания. – Хочу посмотреть Голубую дыру.

– Не сегодня, дружок, – останавливает ее любопытство Мария. – Тебе опыта нужно набираться. – Она внимательно смотрит на свою подопечную. – Как себя чувствуешь?

– Классно, – неожиданно для себя с восторгом едва не вскрикнула Варя.

Маша улыбается, ей по душе эта спокойная внешне девчушка. Иные на ее месте не успевают снять маску, как словесный понос извергается с неимоверной силой. А эта умеет сдерживать эмоции, хотя видно, что ее распирает изнутри от увиденного впервые. Хорошее качество для дайвера.

Они загорают на смотровой палубе, пока яхта плавно рассекает спокойную голубую поверхность моря по направлению к другому рифу. Каждая думает о своем, в полудреме отдаваясь полету своей фантазии. Как хорошо дремать под ласковым утренним солнцем на борту белоснежной яхты, убаюкивающей своим плавным покачиванием среди синей равнины моря.

Варе вспомнился вчерашний вечер, когда подружки затащили ее на дискотеку. Они устроились ввосьмером за большим столом у небольшой эстрады, чтобы посмотреть обещанное африканское шоу. На сцену вышли шестеро негров в национальных одеждах. Под фонограмму они исполняли свои зажигательные танцы, пытаясь расшевелить зрителей. Впрочем, девчонок и не стоило раскачивать, при первой же возможности они вырвались на маленькую сцену, заполнив ее своими пышными молодыми телами. Уловив ритм и несложные движения африканцев, они так гармонично влились в танец, что перестали обращать внимание на сухопарых черных исполнителей. Яркие мини-юбки москвичек привлекали больше внимания зрителей, чем такого же размера мочалки, повязанные на бедрах негров. Ритм барабана все ускорялся, но они не сдавались, стараясь двигаться наравне с африканским ансамблем. Собравшиеся за столиками зрители стали подбадривать столичных студенток. Африканцы тоже завелись. Они побросали свои бутафорские щи-

ты и копья, услаждавшие взгляды неискушенных туристов, и принялись отплясывать всерьез. Девчонки тоже скинули обувь и чуть приподняли свои юбчонки. Поединок длился уже около часа, сменяя без остановки ритм за ритмом, когда Жанка не выдержала первой. Под свист и улюлюканье зрителей она покинула поле боя, тяжело дыша и обмахиваясь салфеткой. Африканцы прибавили ритм, нещадно колотя в барабаны, стоящие на сцене. Ряды бледнолицых редели. Одна за другой покидали сцену изнеможенные танцевальным марафоном студентки, но и тела сухопарых африканцев тоже покрылись потом. Они блестели в разноцветных лучах фонарей, направленных на сцену, Однако ритм только нарастал. Белозубые улыбки не покидали скуластые лица, а светлые ладони и стопы мелькали синхронно ударам барабанов.

Наконец Вика осталась одна. Окруженная хороводом лоснящихся от пота гибких тел, она, казалось, не ведала усталости. Белая блузка прилипла к вызывающей упругой груди, колебавшейся в такт бешеного ритма. Как завороженные, зрители и танцоры смотрели на эту новоявленную жрицу. А грохот барабанов отдавался внутри каждого, пробуждая нечто дремавшее там доселе. Те, кто был в состоянии, пританцовывали около своих столиков. Привлеченные громкой, зажигательной музыкой, из темных аллей подтягивались к бару новые зрители. Кто-то погасил свет в баре, и публика заревела от восторга. Что-то звериное, подсознательное рвалось наружу из разгоряченных тел. Не прекращая танца, Ви-

ка скинула блузку, оставшись сначала только в коротенькой юбке, а затем в одних кружевных трусиках. Бешеный ритм движений и накал неистового ликования взметнулся на новый виток. Подружки, стонавшие от усталости, моментально забыли о ней, вскочив со своих мест. В полумраке, освещенном лишь маленькими свечами на столах и крупными звездами в черном небе, продолжался танцевальный марафон.

Вика была в неописуемом восторге. Ее стройное тело пульсировало в такт барабанам, как обнаженный нерв. Окруженная черными телами негров, она выглядела белокожей царицей. Ее красивые сильные руки извивались вокруг пышущего страстью тела. Волосы разметались по плечам, а полузакрытые глаза были полны безумства. Африканцы тоже скинули свои юбочки из каких-то мочалок и остались в трусиках телесного цвета, вообще неразличимого в полумраке. Они роем вились вокруг белокожей красавицы, оттеняя ее изящное тело. А Вика была чудо как хороша! Движения были так естественны и гармоничны с окружающей экзотикой, что ее нагота не бросалась в глаза. Главное было в танце. Никто из присутствующих не зал канонов и традиций Египта, но всем казалось, что именно так и должно было быть. Разные люди слились в едином танцевальном порыве, не сомневаясь в том.

Неожиданно над головами громыхнуло и вспыхнуло ослепительным светом. Это был фейерверк. Один за другим следовали залпы, выхватывая из темноты разгоряченные лица

и тела танцоров. К раскатам салюта добавилась буря оваций. Вика застыла на сцене с высоко поднятыми руками в эффектной позе, окруженная павшими ниц африканцами. Это был апофеоз двухчасового танцевального марафона. Ее упругая грудь часто вздымалась от тяжелого дыхания. Лоснящееся стройное тело манило своей женственностью и какой-то звериной силой. Да, красивая женщина может покорить целую страну.

Огни фейерверка еще плескались в высоте, а Вика уже спорхнула со сцены, укутавшись в огромное полотенце, брошенное ей из бара заботливой рукой. Она быстро исчезла в окружении подружек, оставив после себя привкус страсти и воспоминания, которые еще долго будут волновать участников этой стихийной вспышки природного естества, дремлющего у детей современной цивилизации.

Глава III

– Есть желание еще понырять или будешь загорать? – издалека донеслось до Вари.

– Есть, конечно, – вскинулась она. – Я действительно задремала. Мы с девчонками вчера были на дискотеке.

– Так ты приехала не одна? – удивилась Мария.

– Нет, но они не из нашего клуба дайверов, – поспешила уточнить девушка. – Мы учимся в одной группе, на историческом в университете.

– И ты отказалась от отдыха с мальчиками и девочками ради дайвинга?

– Собственно, я ради него и приехала, – созналась Варя.

– Фанат? – приподняла красивые ровные дуги бровей инструктор.

– Нет, что Вы. Я впервые в Египте, – разоткровенничалась Варя. – Просто у меня мама преподаватель истории. Я выросла на легендах и книгах о Египте. Вместо кукол.

– Забавно, – тихо проговорила Маша, явно думая о чем-то своем.

Они быстро надели костюмы. С помощью Бусама закрепили на спине двойные баллоны.

– Пойдем на «спарке», – пояснил инструктор. – Здесь каньон только начинается, но запас не помешает. Держись все время рядом. Потеряешь меня из виду, сразу всплывай. –

Она внимательно посмотрела на свою подопечную. – В любом случае поднимайся по режиму, рассчитанному компьютером. Воздуха хватит.

– Хорошо, – коротко и уверенно ответила Варя.

– Я потому настаиваю на этом, – смягчился инструктор, – что для второго погружения это слишком, но ты сегодня у меня одна, да и погода располагает.

Она строго взглянула на Варю.

– Ниже сорока не опускаемся. Договорились?

Девушка лишь кивнула в ответ.

Бусама проводил взглядом две обворожительные женские фигуры, исчезнувшие в белых брызгах. Их силуэты начали плавно двигаться в прозрачной светло-голубой воде по направлению к темнеющей впадине. Туда, где начинался каньон. Ему захотелось присоединиться к этой паре и поплавать вместе. Он сознался себе, что ему хотелось понаблюдать за стройной фигуркой в костюме, принадлежавшем ему. Бусаме было приятно сознавать, что мягкая теплая внутренняя прокладка «сухого» подводного костюма сейчас плотно облегает девичье тело. Ему самому хотелось дотронуться до нежных изгибов и даже погладить их кончиками пальцев. Он сглотнул. Русская поразила его скрытой силой. Внешне она напоминала ему красавицу с обложки журнала, но глаза выдавали необычайную нежность и ум. О, она будет настоящей жрицей в храме любви. Его храме. У нее странное имя «Вар-

р-ра». Раскатистое и властное. В ней, как в нераскрывшемся бутоне, скрыта великая сила. Сила красоты. Как могут глупцы из далекой заснеженной страны отпускать в путешествия таких красавиц! Такое богатство нужно охранять. В их стране считается оскорблением для родственников или мужа, если мужчина позволит себе нескромно посмотреть на чужую женщину, а эти… Глупцы. После того, что произошло с Марией, он перестал уважать европейских мужчин.

Днище яхты темным силуэтом выделялось на светло-голубом фоне поверхности моря. Пузырьки весело поднимались к нему наперегонки с легким шелестом. Мерно работал распределитель воздуха на баллонах. Под аквалангистами был склон, густо поросший кораллами. Инструктор жестом показал направление, и они начали спуск. На песчаной полянке Варя заметила красивого отшельника, тащившего свой домик к высокому зеленоватому кусту с белой шапочкой. Рыб стало меньше, хотя у дна была какая-то возня. Девушка приблизилась и увидела ярко-красную морскую звезду с синими точками. Все свои четыре луча звезда распластала на верхушке камня, покрытого травкой. «Наверное, кого-то уже поймала, а может, только охотится», – подумалось Варе. Рядом с ней раскинула в стороны огромные усища креветка-богомол. Ее круглые темно-фиолетовые глазки смотрели на звезду. Обе были неподвижны. Между ними, не обращая на них никакого внимания, медленно ползла по пес-

ку почти красная креветка с белыми пятнами. Ее голова была почти прозрачной, отчего казалось, что выпуклые желтые глаза, двигались сами по себе. Ну, прямо Чеширский кот.

Варя в испуге оглянулась, ища своего инструктора. Та плавно погружалась впереди нее, лениво перебирая большими ластами. Мысленно отругав себя за такое ребяческое увлечение, девушка поспешила за Машей. То и дело ей приходилось «продувать уши». Давление нарастало. Становилось темнее. Справа стена пошла отвесно вниз. Варя посмотрела на ручной компьютер. Тридцать шесть метров. Она перестала погружаться и поплыла ровно над инструктором, который продолжал спуск. Когда их разделяло уже метров семь, Варя заметила, что Маша обернулась. Ее маска тускло блеснула в полумраке. Вдруг она резко отшатнулась от стенки и замерла. Было что-то неприятное в ее позе: ноги и руки безвольно висели, будто не принадлежали туловищу. Первой реакцией Вари было броситься на помощь, но она подавила это желание, тоже замерев на секунду. Потом вытащила из кармашка на груди фонарик, направила его луч в сторону инструктора и медленно стала приближаться. Однако скоро остановилась и сама.

Огромная синяя мурена высунулась из своей норы в сторону Марии. На изгибах ее тело просвечивало желтыми пятнами. Змеевидное тело морской хищницы изогнулось в сторону Вари, и девушка увидела безумные глаза. Два больших белых кружочка с черными точечками. Пасть мурены была

полуоткрыта, но не это наводило ужас. Взгляд белых глаз в луче фонарика был жутким. Белые точки светились в темноте. Пауза длилась несколько секунд, затем мурена скрылась в невидимой норе.

Варя подождала, пока инструктор поднялся к ней. Показав жестом, что все хорошо, она поплыла вдоль почти отвесной стены рифа. Ученица устремилась следом. Методично работал за спиной распределитель воздуха на баллонах. Это было единственным звуком, нарушавшим тишину. Стало еще темнее. Варя заметила жест инструктора и остановилась. Слева тоже возвышалась стенка. Это было начало каньона. Варя читала, что его образуют два рифа, соединяясь и разъединяясь в некоторых местах. Стенки испещрены гротами, туннелями и пещерами. Опасное место не только для новичков, но очень красивое. Оно завораживало необузданной фантазией природы, сотворившей это чудо по своей странной прихоти.

Над головой уже не было чистой голубой поверхности, куда можно было бы легко всплыть. Все пространство было пересечено сросшимися коралловыми перемычками. Жутковатое и захватывающее зрелище. То там, то тут проглядывали синие просветы к поверхности воды. Под ногами сияла чернота провалов. Выдыхаемый воздух гроздьями пузырьков уносился вверх, но иногда скапливался в гротах, тянувшихся на несколько метров. В сознании то и дело возникала мысль, что можно вот так же, как и эти пузырьки, остать-

ся здесь навсегда. Страх не отпускал, он переполз из сознания в тело, наполняя собой все мышцы. Они становились непослушными, будто каменели.

Варя посмотрела на прибор. На зеленоватом экране светилась цифра сорок три. Она оглянулась вокруг, ища глазами инструктора. Рядом никого не было. Невероятная паника вихрем пронеслась в голове. Потерялась! Она заблудилась и уже никогда не выберется отсюда! Единственное желание овладело девушкой – бежать куда глаза глядят. Наверх, к солнцу и свежему морскому воздуху. Только там можно дышать всей грудью. Здесь оставаться было невыносимо жутко.

Варя даже зажмурилась, чтобы не видеть окружающей ее темноты. Ей вспомнилось, как в далеком детстве она остановилась на пожарной лестнице пятиэтажного дома, вцепившись ручонками в металлические перекладины. Это было между третьим и четвертым этажами. Мальчишки уже забрались на чердак и звали Варю, но страх парализовал волю. Слезы безысходности и отчаяния навернулись на ее щеках. Девчушка была готова закрыть глаза и разжать пальцы. Полететь вниз, только бы не испытывать этого ужаса. У Вари не было отца или старшего брата, кого она могла бы позвать на помощь. Очень рано она научилась преодолевать свой страх сама. Главное было расслабиться и глубоко вдохнуть. И тогда дрожащие руки начинали слушаться, а ноги неохотно подчиняться маленькому отважному сердцу. Тогда, на пожарной лестнице, Варя заставила себя глубоко вдохнуть и,

не глядя вниз, подняться на чердак. Ее колотила дрожь и зубы были сжаты так, что она долго не могла ничего сказать, но в глазах мальчишек, подхвативших ее щупленькое тельце и втащивших ее на руках, был такой неподдельный восторг, что она поверила в себя.

Спрятавшись в темном гроте так, чтобы можно было незаметно наблюдать за своей подопечной, Маша пристально смотрела на Варю. Она отметила для себя, как та обнаружила пропажу инструктора и замерла. Пузырьки воздуха перестали подниматься над ее миниатюрной фигуркой.

– Господи, не переборщила ли я с этой затеей? – мелькнуло у нее в голове. – Она совсем еще зеленая, да и на такой глубине впервые.

Но ее опасения быстро рассеялись. Подопечная продолжала парить на одном уровне, а огромные пузыри выдыхаемого воздуха вскипели над ее головой.

– Умница, девочка, – мысленно похвалила она ее. – Дыши. Осмотрись и дыши.

Выбрав момент, чтобы Варя ее не видела, инструктор как ни в чем не бывало нарочито медленно выплыла из грота. Она плавно скользила в трех метрах под перепуганной ученицей, сделав выдох так, чтобы та ее непременно заметила. Машу так и подмывало заглянуть девчушке в глаза, чтобы понять ее чувства, но она продолжала играть по правилам. А посмотреть бы стоило. Увидев своего инструктора, Варя

чуть не взвизгнула от радости и хотела кинуться к той на шею. Обнять и прижаться так, чтобы никакая сила в мире уже не смогла бы оторвать ее. Но она лишь отругала себя за неоправданные страхи и медленно поплыла следом. Сердце еще колотилось, и пальцы дрожали от пережитого шока, но она не пыталась выплеснуть свои эмоции на инструктора. Варе показалось, что она вновь, как в далеком детстве, оказалась на том чердаке в окружении мальчишек. Их восторг и уважение передались тогда и ей. Она научилась с тех пор уважать себя, и совершать недостойные, мелкие поступки ей стало стыдно.

Маша краем глаза поглядывала за своей подопечной. Сомнения рассеивались. Она все более убеждалась в правильности своего выбора. Интуиция не обманула ее. Эта девочка стоила дюжины мужиков, чья сила и уверенность оставались на берегу вместе с кредитками в карманах брюк, стоило им погрузиться на двадцать метров. Конечно, она задумала опасную игру, но иного пути у нее нет. Так просто ей не выбраться из ямы, в которую она угодила год назад. Эта девочка ей поможет. Кто знает, как все сложится, но надежда все более крепла в ее груди.

Маше вспомнилось, как месяца три назад она положила глаз на англичанина. Он казался ей способным на поступок. Их короткий роман вспыхнул моментально и обещал успешно закончиться. Маша сильно рисковала, открывшись

Джону, но тот сбежал. Он просто бросил ее. Да, перевелись джентльмены в королевстве ее величества. А ведь какой был орел! Она страховала его погружение на сто тридцать метров, где он проявил себя отлично. Осталась лишь фотография на память. Может, он ей не поверил, решив, что это мутные бредни запутавшейся между реальностью и фантазией наркоманки. Нет. Если бы не поверил, не сбежал бы. Пошутил, поднял бы на смех, но не исчез молча. На худой конец, обратил бы все в шутку и перевел разговор на другую тему. Так ведь нет! Пошел за сигаретами и пропал. Все вещи оставил, только паспорт забрал. Ох, и досталось же ей тогда от Самиха. Два дня подняться не могла, хорошо лицо вовремя закрыла. Вот ведь, черт, какой ревнивый. Убить готов.

Иногда Маше казалось, что все происходит не с ней. Она просто смотрит какой-то сериал, и все может закончиться в любой момент, стоит только выключить телевизор. Вот беда: он не выключался, даже канал нельзя было поменять. Прошел целый год, как она здесь. Далекая Россия стала еще дальше. Она уже и не мечтает вернуться туда, она просто хочет выбраться отсюда.

Они завернули в небольшую пещеру, поросшую темными водорослями и кораллами. По уверенным движениям инструктора Варя поняла, что эти места той хорошо знакомы. Спина у девушки вновь похолодела от недоброго предчувствия, но она не отставала. Сумерки сгустились, и луч

фонариков выхватывал причудливые, развесистые кусты кораллов. Светлые побеги на массивном темно-красном стволе и могучих отростках подчеркивали безлюдность этих мест. Казалось, любой заметивший такой необычный цветок непременно сорвал бы его на память. Но ни одна рука не касалась их. Будто гиблое место из старинных русских сказок, где даже лешие боятся появляться, пещера навевала страх. В некоторых местах потолок имел впадины, где пузырьки воздуха скапливались, отсвечивая в лучах фонарей бледно-голубым отражением от поверхности, разделяющей воду и воздух. И в этом неестественном свете было что-то пугающее и завораживающее одновременно. Какие-то тени мелькали в полумраке, говоря о том, что дайверы тут не одни. Пещера начала чуть опускаться.

За поворотом замаячил свет. Варя непроизвольно ускорила движение. Выбравшись на открытую воду, она испытала облегчение. Чувство тревоги сменилось приятным ощущением свободы. Тело наполнила удивительная легкость. Девушке захотелось петь от внезапно охватившей ее радости. Все вокруг засияло непривычными яркими красками. Мир казался сказочным, и каждая мелочь вызывала восторг. Она увидела совершенно необычную рыбку. Та играла с ней, предлагая понырять наперегонки. Варя услышала, что рыбка назвала ее по имени и поманила за собой. Стало так хорошо, что ей захотелось поделиться этим счастьем с говорящей рыбой. Впрочем, это была уже русалка. Ее грустные гла-

за поразили Варю своей тоской, и девушка, вытащив изо рта свой загубник, протянула его русалке. Но та почему-то отказалась и начала насильно возвращать загубник обратно. Варя не обиделась этой бесцеремонности и настаивала, чтобы русалка все-таки попробовала этот удивительно приятный напиток, вливающий в ее легкие неповторимую эйфорию.

Русалка бесцеремонно схватила Варю за шиворот и потащила вверх. Девушка попробовала высвободиться и, к своему удивлению, увидела отчаянно жестикулирующую Машу. Русалка исчезла. Яркие краски померкли. Полумрак и холод окружали их. Инструктор не отпускал Варю. Очевидно, тоже заметив странные перемены вокруг, Маша крутила пальцем у своего виска. «И что это с ней?» – удивлялась Варя, оглядываясь по сторонам. Окружение резко поменялось, ощущение беспредельного счастья прошло бесследно.

Тут Варя обратила внимание на то, что инструктор насильно поднес к ее маске ручной компьютер. VR3 на зеленом экране высвечивал странную кривую. Девушка напряглась, пытаясь понять, что же там отображено. Сознание протестовало. Наконец она сообразила: это кривая ее погружения. Она превышала отметку пятьдесят. Так вот что произошло! Варя читала и слышала рассказы бывалых дайверов об азотном опьянении, но никак не могла поверить, что это бывает так незаметно. Она пересекла незримую и смертельно опасную черту. Ничто в ее организме не протестовало. Если бы не Мария, она никогда бы не поднялась на поверхность. Так

гибнут многие. Эта линия четко не обозначена. Все инструкции запрещают погружаться на обычной воздушной смеси ниже пятидесяти метров. Как же она не заметила этого?

Маша пыталась заглянуть девушке в глаза. Полумрак и стекла масок мешали этому, но наконец их взгляды встретились. Юная ныряльщица была в оцепенении от сознания чудом миновавшей беды, но было видно, что она все понимает и адекватно оценивает ситуацию. Инструктор жестом показала ей, что нужно всплывать. Варя переключила свой ручной компьютер на режим расчета декомпрессии, и тот быстро высветил график подъема. Она показала его инструктору. Маша утвердительно кивнула. Не отпуская свою подопечную ни на метр от себя, она проверила запас воздуха в баллонах. Волноваться не было причин. Они начали полуторачасовое восхождение. Поднимаясь на расчетную глубину, дайверы останавливались там согласно рекомендациям компьютера и, как птицы, парили над темной бездной, ожидая, пока организм не освободится от накопившихся излишков растворенного в крови азота. Было время, чтобы проанализировать ситуацию, составить план на следующее погружение или о чем-нибудь помечтать.

Капитан Самих дремал в своем кресле за штурвалом. В зимний сезон дайверов всегда было мало, и он радовался тому, что удалось получить новичка на целую неделю. Оплата была проведена авансом на тридцать погружений, из ко-

торых девчонка навряд ли осилит и половину. Было тем более приятно, что многие яхты вообще стояли без клиентов на приколе. Его неслучайно многие называли «везунчиком». Грех жаловаться, но ему часто везло. Он выгодно женился, взяв в приданое все дело отца первой жены, который стал страстным курильщиком гашиша. Дела шли хорошо. Самих уже купил большой дом, где жили три его жены и пятеро детей. Его племянник Бусама оказался таким трудолюбивым парнем, что один заменял троих наемных рабочих, которых обычно берут на борт в сезон другие капитаны. Сын его друга Амиль был уже мужчиной и часто подменял его у штурвала. К тому же он обладал лицензией инструктора, что позволяло брать на борт сразу до двадцати дайверов в одну поездку. Втроем они зарабатывали больше, чем экипажи из пятерых человек на других яхтах.

Год назад появилась эта блондиночка. Самих еще тогда приметил ее роскошные формы и удивительное лицо. Она была словно скопирована с древних фресок из долины Гизы. Богиня. Хотя явно прислуживала в компании русских богатых бездельников, зафрахтовавших в начале прошлого января яхту на неделю. В четырех каютах тогда поселились всего пятеро человек, но деньги они заплатили сполна, поэтому Самих позволял им все. Он и сам держал своих жен в строгости и любил, когда его все называли господином, но то, как русские относились к блондинке, покоробило даже его.

После скандала Марию попросту бросили на произвол

судьбы, и если бы Самих не выкупил ее у толстого Османа, она пропала бы. А он дал ей защиту и кров. Правда, эта русская все еще пытается проявлять свой норов и даже отказывает иногда ему в близости, но это скоро пройдет. Куда она денется. Ни денег, ни документов, ни связей у нее нет. Осенью она попыталась убежать с несчастным англичанином, но стоило того припугнуть, как он смылся, оставив даже свою камеру для подводных съемок. Самих же предложил ей честно отработать его защиту и даже заработать себе на паспорт. Конечно, он пообещал ей сделать документы, но срок назвать забыл. Куда торопиться? К тому же наличие русскоязычного гида в его клубе позволило получить еще одну звездочку в лицензии, а количество дайверов за год увеличилось почти в три раза. Блондинка не догадывается, что за один летний месяц не только отработала все долги, но и принесла немалую прибыль. Остальное время она просто обогащает его. Не зря завистники утверждают, что Самиху везет. Аллах благосклонен к нему. Да будет так всегда!

Варя всплыла первой и, вытащив загубник, глубоко вдохнула свежий морской воздух. Солоноватые нотки соединений йода в его запахе напомнили ей детство. Она вновь видела солнце, такое же, как в далеком Гелинджике. Было удивительно тихо. Рядом появилась Маша. Подняв маску на лоб, она внимательно посмотрела на девушку. Укоризненный взгляд светлых, почти прозрачных глаз заставил ее по-

тупиться. Однако она не стала сразу же отчитывать ее за допущенный проступок, чуть не стоивший жизни, и Варя была за это благодарна.

С яхты их заметили. Вскоре они уже поднимались по начищенной до блеска никелированной лесенке на корму. Услужливый Бусама помогал снимать акваланги и снаряжение. Амиль держал наготове теплые махровые халаты. Приятная усталость и ощущение миновавшей беды сближало ныряльщиц. Они расположились на диванчике в большой кают-компании, подобрав ноги и запахнувшись в мягкие халаты. Совместная работа или общие переживания быстро располагают к беседе даже незнакомых людей.

Оба молодых египтянина были явно заинтересованы русскими девушками. Они беспричинно улыбались, быстро накрывая на стол. Прежде всего они принесли два больших стакана апельсинового сока, который показался ныряльщицам удивительно вкусным. Испытывая жажду после погружения, девушки с жадностью припали к высоким стаканам. Не в силах оторваться от напитка, они только насмешливо поглядывали за суетившимися вокруг них парнями. Особенно старался Бусама. Его привычные движения были не столько стремительны, сколько элегантны. Замечая это, русские лишь лукаво подмигивали и посмеивались. Эта игра так знакома всем девушкам и юношам.

До двадцати лет европейские девушки обычно не проявляют активности в отношениях со своими сверстниками.

Они отдают им право выбора, надеясь встретить принца. Чуть позже, разочаровавшись в ожиданиях, многие берут инициативу в свои руки. Сначала умело расставляют сети, они подталкивают в них зазевавшихся холостяков. После тридцати скромницы отметают все условности, выходя на тропу войны. Войны за свое счастье. В силу своего характера одни, встретив, мужчину своей жизни уже женатым, годами ждут развода, а другие начинают активные действия с женой, работой или иными увлечениями своего избранника. Женщины становятся жрицами, всецело посвящая себя служению великой идее, или тигрицами, которых успокоившиеся мужчины просто побаиваются и сторонятся.

На Востоке иные правила. Здесь мужчина всегда выбирает, но он и всегда ответственен за избранницу. Он должен обеспечивать ее, а наравне и всех остальных своих жен. Только мужчина должен сделать дом полной чашей и наполнять эту чашу равномерно для всех. Конечно, он вправе прогнать недостойную избранницу, но ребенок до четырнадцати лет останется с ней. А если это сын, наследник? Жена уйдет во всех драгоценностях, что на ней в момент разрыва. Ох, неслучайно они носят их каждый день! Впрочем, не это обидно. Как объяснить соседям и знакомым, что мужчина допустил такое в своей семье? Можно ли с таким вести дела, если он со своими женщинами не в силах совладать? Только на первый взгляд неискушенного туриста все кажется просто в отношениях мужчин и женщин. В любой стране суще-

ствуют традиции, сложившиеся веками, песни и прибаутки напоминают о трогательном и смешном, порой случающемся между влюбленными или забывшими, что это такое, но главное – в любой стране есть легенды о великой любви, на которых воспитываются поколения, некоторые страны могут похвастаться даже мифами о любви богов и простых смертных, что и дало жизнь на Земле.

Когда же различные обычаи и традиции переплетаются, никто не может предугадать, по каким правилам будут развиваться события. Женщина изначально слабее физически, но изобретательнее и тоньше в своем расчете, чем мужчина. Коварство и хитрость восточного мужчины сродни обольстительнице севера. Его нежность и ласки могут свести с ума любую красавицу. Кто одержит верх? Судьба, как иногда причудливы твои узоры! Они сродни загадочной арабской вязи, которой воспевали романтики востока безграничную любовь великих людей, от фараонов до халифов.

– Маша, я сама не понимаю, как все случилось, – первой не выдержала Варя. – Поругай меня, конечно, но если честно, я не заметила. – Она искренне посмотрела на инструктора. – Вот ни капельки не заметила. Раз, и все.

– Именно так и бывает, – грустно усмехнулась Мария. – А кто обещал мне ниже сорока не опускаться?

– Так ведь там мурена была, – пробовала оправдаться девушка.

– Ну и что.

– Как ну и что, – горячилась Варя. – А вдруг она…

– Если мурена решит атаковать, ничто не поможет, – остановила ее инструктор. – У этой рыбки скорость гораздо выше твоей. А ты кинулась за десять метров меня спасать.

– Ну, как же, – все еще не сдавался новичок.

– Да никак, – резко осекла ее Маша. – Никого не спасешь и сама погибнешь. Потом чуть мягче добавила:

– Не делай резких движений, не будь агрессивной, она и успокоится. Ты ведь больше ее, значит, она уже тебя боится. Закон подводных джунглей. Даже акулы не нападают в одиночку на тех, кто больше их. В стае – сколько угодно, а в одиночку – нет.

Мурена только охраняла свой дом. Она ночной охотник. Покажи ей, что ты не агрессор, и расстанетесь друзьями. По крайней мере, не врагами.

– Но она как выскочит…

– А фонарик тебе зачем? – совсем тихо продолжала Мария. – В полумраке фонарик как оружие. Свети в глаза противнику – он и ослепнет, только не держи вплотную к себе.

Варя благодарно кивнула. Она была готова к полному разносу за неумелое поведение и оценила сдержанность своего инструктора. Очевидно, ее просто пожалели. Она и раньше замечала, как сначала все взрослые, а позже и сверстники относились к ней снисходительно. Скорее всего, ее более чем скромная внешность была тому причиной. Девушка иногда даже сердилась на себя, когда замечала, что пользуется этим.

Интуиция подсказывала ей, что дозволительно прибегнуть к маленькой хитрости, притворившись полностью беспомощной, и заставить кого-то сделать ее работу. Так поступали многие девчонки. Она видела это. Но поступать так самой Варе было стыдно. Возможно, это чувство собственного достоинства и заставляло ее делать все самостоятельно. Становиться на голову выше сверстниц. Да и в школе она боялась выглядеть маминой дочкой, прикрываться ее положением. Особой любви к истории у Вари никогда не было, но одна мысль, что кто-то из одноклассников лишь намекнет в разговоре на незаслуженную оценку, заставляла ее уже в восьмом классе знать весь институтский курс.

– Честно говоря, – доверительно произнесла Варя, – я еще никогда в жизни не напивалась.

Она помолчала, ожидая реакции Маши. Потом продолжила, увидев ее заинтересованный взгляд:

– Девчонки часто об этом говорят и даже травку курят, а мне неприятно терять контроль над собой. Когда я ощущаю неуверенность в движениях, а голова начинает плохо соображать, меня такое состояние напрягает. Наверное, я просто боюсь что-нибудь не так сделать или сесть как-то некрасиво. Чувствую, что начинаю суетиться, постоянно поправлять одежду, и меня это раздражает. Я не получаю удовольствия, о котором говорят девчонки из нашей группы.

Она помолчала.

– А, может они просто врут. Я иногда вижу, что они напус-

кают на себя пренебрежительный вид эдаких современных светских львиц. Но мне кажется, что это от неуверенности в себе. Им страшно быть несовременными, не такими, как все. А меня, наоборот, воротит от сознания, что я, как все.

Варя посмотрела на своего инструктора. Ей почему-то было уютно и спокойно рядом с таким уверенным человеком. И неважно, что это был не мужчина. Ей хотелось, чтобы инструктором Маша была не только под водой. Она почувствовала, что доверяет ей.

– Если говорить об азотном опьянении, – серьезно начала Мария, – то оно начинается абсолютно незаметно. С алкоголем не сравнить. И волевым усилием ничего не исправить. Концентрация закиси азота сразу превышает норму во всем объеме крови. Скачком. Алкоголь же впитывается постепенно, и действует по-разному. Кому на голову, кому на ноги. Есть время остановиться. С азотным опьянением ничего не поделаешь. Опустился на метр ниже своей нормы, и – готов. Поднялся на метр – все прошло.

– Точно, – вспыхнула Варя. – Я очнулась моментом. Смотрю: ты меня, как щенка, за шкирку держишь.

– Да уж, тут не до сантиментов было.

– Я не в претензии, – Варя опустила глаза. – Ты меня с того света вытащила.

– Проехали.

– А знаешь, – девушка посмотрела на инструктора, – ты мне привиделась русалкой. Красивой такой, но с безумно

грустными глазами. И печаль в них была просто невыразимая…

– Вселенская, – попробовала отшутиться Маша.

Она не в первый раз удивлялась интуиции или какому-то внутреннему чутью этой худенькой девчушки. Даже в разговоре чувствовалось, что она опережает своего собеседника. Будто знает, что тот скажет и как отреагирует. С одной стороны, это располагало к беседе, поскольку тебя хорошо понимают. С другой стороны, настораживало: а ведь она видит далеко вперед. И даже – вглубь. Маша даже поежилась, будто от холода, при мысли, что этот воробушек может заглянуть в ее душу. Ничего там хорошего не было.

Благодаря своей внешности девочка Маша рано начала интересовать представителей противоположного пола. С первых классов школы она была окружена вниманием скромных вздыхателей. Одни делали за нее уроки, другие носили ее портфель, а позже начали носить и ее на руках в прямом и переносном смысле. Это нравилось и кружило голову. Раньше всех сверстниц Маша начала встречаться со старшеклассниками. Сначала ходила в кино, но после пятого просмотра одного фильма с разными кавалерами ей становилось скучно. Потом она курила на лестничной клетке и целовалась с мальчиками на несколько лет старше нее. Ах, как наивно и забавно это было, Боже мой! Она до сих пор вспоминает это время, как одно из самых приятных в своей

непутевой жизни.

Она рано выскочила замуж, но ее избранник ушел в армию. На два года. Конечно, она обещала ждать и писала милые письма. Потом встретила одного сильного мужчину, и все завертелось. Маша и не заметила, как оказалась в чужой постели. Внешне независимая и вызывающе гордая, она была попросту трусихой. Прижалась к мужчине, от которого так и веяло уверенностью и звериной силой. Но длилось это недолго. Родители молодого мужа выгнали ее из дома. И начались ее скитания. Через год она поняла, что если не уедет из своего маленького городишка, скатится окончательно. После развода ничто ее не удерживало в родных краях. Поплакавшись как-то школьной подруге, Маша так ее разжалобила, что та привезла ее в Москву и устроила продавщицей на рынке. Но уже через неделю появился уверенный в себе спонсор, который быстро убедил Машу, что такой девушке не место за прилавком с турецким ширпотребом. Она сама часто удивлялась, ну почему она постоянно попадает в какие-то странные компании. Почему не может учиться в институте или найти приличную работу? Что в ней такого, что мужики так и липнут к ее хорошенькой груди? Впрочем, грудь была действительно хороша. Высокая, тугая, она могла в самый нужный момент так случайно качнуться, что заинтересовавший ее предмет входил в резонанс, и беднягу раскачивало, как на борту судна, попавшего в девятибалльный шторм. Да она и сама была не прочь покачаться на этих упо-

ительных волнах, уносящих ее бедную душу за тридевять земель.

Главное, что довольно быстро усвоила девочка Маша, так это умение управлять своей памятью. Она так ловко уговаривала свою память забыть или вычеркнуть что-то буквально напрочь, что сама удивлялась, как бежит время, как легко стираются лица. Да и зачем было ворошить прошлое, когда впереди столько интересного. Она еще раз выскочила замуж, но ненадолго. Однажды муж не вернулся домой, а на следующий день ее вызвали на опознание трупа. Потом пришли какие-то крепкие ребята и доходчиво объяснили, что муж им много должен. Ей пришлось все продать, но и это не изменило ситуации. Если бы не Гурген, ей пришлось бы туго. Маша пошла работать секретаршей в один из его офисов. Работа ее не утомляла, а вот странное увлечение Гургена дайвингом сначала удивляло, но потом понравилось и ей. Она быстро освоилась в одном из столичных клубов дайверов и получила сертификат. И все бы ничего, если бы не прошлогодние рождественские каникулы.

Гурген взял Машу в Дахаб на недельку понырять со своим торговым партнером из Германии. В последний вечер они здорово выпили. Все началось с того, что ей пришлось исполнять танец живота на палубе, а потом он приказал ей показать стриптиз. Именно приказал, как своей вещи, на глазах у всех. Машу это задело. Она видела, как у немца текли слюни при ее появлении в смелом купальнике. Толстый бюр-

гер явно запал на нее, а Гурген так и подкладывал свою секретаршу. Ну уж нет, она всегда сама выбирала себе мужчин! Или ей это только казалось? Как бы то ни было, Маша отказалась наотрез. Все кончилось синяком под правым глазом.

На следующее утро они улетали домой. По дороге в аэропорт машина остановились на перекрестке. Гурген вытолкал ее из салона и приказал охраннику, сидевшему за рулем, уезжать. Маша просто опешила, еще не понимая, что происходит. Ее добила фраза, брошенная недавним покровителем: «Свободна».

Без документов и денег она осталась посредине пустыни. Добравшись кое-как на попутках до аэропорта, она не смогла ни улететь в Москву, ни найти сочувствие у соотечественников. Было стыдно объяснять, что ее выбросили, как ненужную вещь. А позвонить на родину оказалось некому. К своему великому ужасу, Маша тогда поняла, что жила всегда так, что сжигала за собой все мосты. К тому же, она умела уговаривать свою память забывать все ненужное. Она была всегда уверена в том, что стоит ей пройтись с озабоченным видом по улице, и отыщется сердобольная душа, что обогреет ее. Но то была Россия, тут же были одни иноверцы.

Впрочем, поплакав навзрыд после отлета очередного самолета, она почувствовала на плече пухленькую влажную ладонь. Круглолицый араб с маленькими маслянистыми глазками гладил ее и что-то приговаривал. Так она оказалась у Османа. Сначала он сам делил с ней досуг, а потом решил

поделиться с друзьями. Но «персик» взбунтовался и однажды покинул райский сад.

Как-то Маша заметила во дворе машину с ключами. Через десять минут она уже неслась по шоссе. Еще не зная, что делать дальше, она отдалась на волю случая. А он привел ее к знакомому клубу «Акванавт» в порту Дахаба. Увидев там Амиля, Маша поняла, что судьба опять улыбнулась ей. Парень заглядывался на блондинку с первого дня и сумел уговорить друга своего отца уладить все проблемы с Османом. Так она появилась на яхте «Морская звезда».

Воспоминания отвлекли Машу настолько, что когда она очнулась, то увидела вопросительный взгляд своей новой ученицы. Растерянно улыбаясь, она стала поправлять прическу, лихорадочно соображая, могла ли случайно проговориться. Нет, просто этот воробышек умеет заглядывать в душу. Но что там видно, вот вопрос.

– Что-то мы вспомнили о грустном, – Маша улыбнулась, приобретая прежнее спокойствие и уверенность. – Тебе ли печалиться, дружок.

– Нет, это мне русалка привиделась там, – Варя отвела взгляд, будто извиняясь.

– А там еще и не такое привидеться может, – инструктор многозначительно помолчал. – У глубины свои законы. Это серьезная дама, всех насквозь видит. От нее там не спрячешься.

– Как интересно ты говоришь, – тут Варя осеклась. – Ой, можно мы будем на «ты».

– Конечно.

– Мне тоже показалось, что за мной наблюдают. Всматриваются.

– Если бы ты знала, как близка к истине, – мелькнуло в голове у Маши. – Вот ведь проницательная девчушка попалась. Да, не простой воробышек. Впрочем, такой мне и нужен. – А вслух добавила: – Дама, по имени Глубина, ко всем присматривается и обо всех все знает. Потому ее не обманешь.

– Как это? – Варя еще не понимала, подсмеиваются над ней или говорят серьезно.

– Ну вот взяла она тебя там, – Маша многозначительно показала взглядом вниз, – повертела да отпустила.

Помолчав немного, низким голосом добавила:

– А будь у тебя черная душа с тараканами, оставила бы при себе.

– И зачем же ей темные души? – полушутя-полусерьезно спросила девушка.

– Да я и сама не знаю, – неожиданно легко усмехнулся инструктор. – Так говорят.

– Ты меня разыгрываешь.

– Таких баек много, – Маша протянула руку и обняла свою ученицу за плечи. – Темное к темному, а светлое ей не нужно. Это мы, современные люди, не верим в мистику и

всякие чудеса. А раньше моряки веками поклонялись своим божествам.

– Да, без веры нельзя, – тихо и очень искренне произнесла Варя.

Маша почувствовала, как напряжено тело у этой щупленькой девочки. Она не давалась в руки каждому встречному и не доверяла любым услышанным словам. Ей показалось, что этот воробышек намного старше ее, женщины, испытавшей в своей жизни и горе, и радость, и предательство, но тем не менее не имевшей какого-то внутреннего стержня. Веры. Да, именно веры в себя. Маша всегда искала надежное плечо, а еще лучше – широкую спину, за которой можно было бы спрятаться. И это ей всегда удавалась. Она могла легко манипулировать мужчинами. По крайней мере, ей так казалось плоть до одного январского вечера.

– Ну ты философ, – шутя вскрикнула она, стараясь незаметно убрать руку с плеча девушки. Блондинке стало очень неуютно.

И случай опять помог ей выбраться из двусмысленной ситуации. В дверях появился Бусама. Он загадочно улыбался, изображая на лице неописуемое удовольствие. Подойдя к стене, отделявшей кают-компанию от камбуза, он трижды постучал в потертую дверцу из темного дерева. Девушки молча наблюдали за ним, сжав кулачки и приготовившись к появлению чего-то необычного.

– Сим-сим, откройся, – торжественно произнес он по-ан-

глийски.

Очевидно, этот фокус не раз проделывался командой яхты, потому что тут же дверка распахнулась и выглянул Амиль. Он был в белом поварском колпаке. Хитрая улыбка и лукавые глаза рассмешили русских. Он подмигнул им и подал Бусаме поднос, на котором дымилась большая медная кастрюля. Сразу же удивительный аромат заполнил каюту.

– Ура, – по-детски взвизгнула Маша и захлопала в ладоши.

– М-м, как вкусно пахнет, – присоединилась к ней Варя.

– А, ну-ка, угадай, что это, – строго глянул на нее инструктор.

– Не знаю, что-то необычное, – протянула та, теряясь в догадках.

– Надо угадать, – покачивая головой, пропел Бусама по-английски.

– Ну, я не знаю. Ни разу не пробовала.

– Вы решили начинать без меня, – появился в дверях Самих.

– Нет, капитан, – нашелся Амиль. – Русская угадывает, что мы ей приготовили.

– Ну, это коронное блюдо Бусамы, – похвастался капитан по-английски.

– Правда? – Варя искренне удивилась, поглядывая на арапчонка.

– Он у нас отличный кок, – ответила за смущенного парня

Маша.

– Ну-ка, малыш, – обратился к нему капитан, – принеси для гостей бутылку белого вина из моей каюты. Отпразднуем первый день нового дайвера.

– Ой, что Вы, – смутилась Варя. – Не стоит, право.

– Зря отказываешься, воробышек, – шепнула ей на ухо Маша. – Самих редко бывает таким добрым, а «Вдова Клико» у него настоящее.

Она подмигнула девушке.

– Соглашайся. Это он хочет произвести на тебя впечатление, чтобы в следующий раз ты приехала только к нему. Азиаты ничего просто так не делают.

– Ну, я не знаю, – Варя наклонилась в ароматной кастрюльке и потянула носом. – Что-то рыбное. Какой-то незнакомый запах соуса или приправы.

Она закрыла глаза, чтобы сосредоточится.

– Базилик, лавр и немного тмина, – начала перечислять она то, что удалось разгадать. – Но я не уверена, что правильно называю их по-английски.

– Правильно, – с восторгом обрадовал ее с порога Бусама. Он передал принесенную бутылку шампанского капитану и поспешил на помощь к Варе, изображая всем своим видом хищницу морей и океанов.

– Акула, – неуверенно произнесла по-английски девушка, угадав подсказку.

– Умница, – воскликнула Маша, отметив про себя еще раз

удивительную интуицию девушки. – Суп из акульих плавников! Остальные радостно приветствовали ее догадку.

– Вы что, акулу застрелили? – Варя растерянно посмотрела на Бусама.

– Нет, только срезали один плавник, – парнишка извивался, показывая на себе весь процесс, и комментировал на ломаном английском. – А потом отпустили в море.

– Она же погибнет, – отпрянула от кастрюльки Варя, готовая отказаться от угощения, добытого таким варварским способом.

– Не беспокойся, девочка, – поспешила успокоить ее Мария. – Здесь так принято. Акул много, но их не убивают. Срезают спинной плавник и отпускают.

Видя сомнения на лице ученицы, она добавила:

– Акулы не погибают. Сможешь еще убедиться в этом сама.

– Прошу за стол, – Самих уже наполнил два бокала, и поставил открытую бутылку рядом. В три соседних бокала Амиль налил простой воды.

– А они что, с нами не будут? – удивилась Варя. – Ах да, мусульмане не пьют. Простите.

– Когда никто не видит, прикладываются, – тихо, будто в никуда, шепнула Мария, усаживаясь поудобнее.

– А ничего, что мы в халатах? – неуверенно спросила девушка. – Я как-то неловко себя чувствую.

– Тебе все можно, – успокоила ее инструктор. – Ты сего-

дня принцесса.

Суп из акульих плавников был хорош. Правда, он показался Варе немного жирным по сравнению с обычной ухой. Но весь процесс был настолько необычным, что она запомнила этот обед на всю жизнь.

Глава IV

Открывая дверь своего номера в отеле, Варя услышала знакомую мелодию сотового. Как же она забыла захватить с собой этого малыша! Гладкие плавные обводы металлического корпуса, этого чуда электроники, очень нравились девушке. А стоил он не меньше двух зарплат ее матери. Девчонки из ее группы в университете часто меняли модели сотовых телефонов, гоняясь за последними новинками, но Варя ни за что бы не променяла своего малыша. Первое время она даже ночью не расставалась с ним, кладя под подушку. Когда же у телефона появилось имя – Нокиша – Варя разговаривала не только с его помощью, но и просто с ним. В Москве Нокиша стал частичкой ее маленькой родины, частичкой ее дома. Только в разлуке девушка поняла, как сильно связана с матерью. Всю жизнь они были вместе, а с поступлением в университет их привязанность стала сильнее. Исчезли мелкие бытовые проблемы, которые иногда встают между родственниками, исчезли недомолвки, осталось чувство любви ко всему, что ее окружало раньше – к дому, родному городу, ее маленькой комнате, где каждая мелочь была мила ее сердцу и, конечно же, к матери. Как оказалось, к единственному близкому человеку на земле. А Нокиша был проводником в тот далекий и родной мир детства. Они экономили деньги на разговорах, выбирая самые выгодные та-

рифы и часы для общения. Не было возможности вести длительные беседы, можно было лишь быстро выплеснуть накопившиеся эмоции. Оттого за полгода разлуки у них выработался новый ритуал. Они готовились к ночному разговору, чтобы сообщить быстро все новости и обязательно сказать, как они любят друг друга. Это получалось очень искренне и трогательно. Если кто-то из подружек Вари становился случайным свидетелем ее разговора с матерью по сотовому телефону, то оставался в полной уверенности, что та говорит с парнем, оставшимся в далеком городе. Варя не стремилась кого-то переубеждать, ей это заблуждение было даже на руку, никто не приставал с глупыми предложениями сбегать вдвоем на свидание или оправдываться, почему она одна сидит за книжками в субботний вечер.

– Да, мамочка, это я, – радостно выпалила Варя скороговоркой, откинув крышку своего маленького телефона. – Ты зря беспокоишься, мы с девчонками просто были на пляже. Нет-нет, все отлично. Я далеко не заплывала.

Она замолкла, вслушиваясь не столько в слова, сколько в интонации родного голоса, звучащего издалека.

– Хорошо, я буду чаще тебе звонить, просто это очень дорого. Нет, мы еще никуда не ездили, но обязательно. Да, конечно. Она даже закрыла глаза, представляя, как мать взволнованно говорит с ней, стоя у окна.

Людмила Алексеевна наотрез отказывалась менять старенькую модель своего сотового телефона, подаренного кол-

легами на юбилей, говоря, что привыкла. Она всегда подходила к окну, когда звонила дочь. С балкона их крохотной квартиры на последнем этаже была видна бухта, переходившая в открытое море, за которым была далекая Москва, куда уехала ее дочь. Людмила Алексеевна прижимала обеими руками маленький аппаратик к своему уху, вслушиваясь в голос дочери. Волнения и тревога надолго оставляли ее в этой позе. Позе одинокой женщины, стоящей у окна. Хоть портрет пиши.

– Твой любимый Египет передает привет, – услышала она, и сердце сжалось, замирая на миг от нахлынувших переживаний. Видно, не судьба ей ступить на эту землю, о которой она так много знает и величие которой вызывает восхищение. – Не волнуйся, пожалуйста, мамочка. У меня все хорошо. Приеду- расскажу. Целую.

Воцарилась тишина. Варе показалось, что это безмолвие стало ощутимым. На ощупь. Будто густой невидимый сироп окружил ее. В нем и движения, и мысли замедлены каким-то сопротивлением. Нечто неосязаемое довлеет над ней. Возможно, это страх перед неизведанным. Интуиция пытается предостеречь Варю, но она усилием воли заставляет себя не думать об этом. Все будет хорошо. Опыт многих поколений уверенно доказывает, что добиться какой-либо цели можно только в одном случае – фанатичной преданности этой идее. История до сих пор хранит имена тех, кто следовал именно такой тропой. Варин любимец Александр Македонский

был просто одержим идеей завоевания мира. Сколько рубцов оставила судьба на его доспехах и красивом теле, но она хранила его. Маленький Наполеоне тоже ходил в любимчиках у этой капризной дамы, но Египет ему не покорился. Судьба лишь позволила ему удачно бежать отсюда, закрыв пеленой тумана зоркий глаз Нельсона. Варя иногда сожалела, что не родилась мальчиком. Порой в разговорах такие нотки мелькали и у ее матери. Очевидно, Людмила Алексеевна очень хотела иметь сына и подсознательно воспитывала дочь, как мальчика. Повзрослев без отца, Варя однажды открыла для себя маленький секрет: судьба уготовила ей иной путь.

– Вот где наша русалка прячется, – голос Вики вывел ее из задумчивости.

– Ой, привет, – она обернулась.

За распахнутой дверью, подбоченясь, стояла Вика. Подрумяненная солнцем, она была чудо как хороша. Великолепную фигуру подчеркивали смелый купальник и большой полупрозрачный платок, небрежно повязанный на поясе. Казалось, появись она абсолютно голой, то выглядела бы менее обнаженной. Создатель одарил девушку удивительной сексуальностью, и она умело пользовалась этим. Варя поймала себя на мысли, что с восхищением смотрит на свою подружку. Да, ей такой никогда не стать. Вот что значит женские чары! Что там шаманство или магия, танцы с бубном или вызывание духов! Арабы, наверное, идут за Викой по пятам целыми

толпами, смиренно опустив головы, принюхиваясь, вбирая в себя аромат и необъяснимую силу влечения, что так и пышет от этой красавицы и незримым шлейфом стелется следом.

– Ну, если кто из нас и русалка, – улыбнулась Варя, – так это ты.

– Почему? – лукаво спросила подружка, явно ожидая комплимента.

– Такие только в сказках бывают.

– В каких?

– Про любовь, – вздохнула Варя.

– О, похоже, кто-то уже растопил каменное сердце нашего зяблика?

– Нет.

– Жаль, – и Вика плавно двинулась навстречу. – Ты только покажи мне того несчастного, и я внушу ему эту мысль.

Она была похожа на жрицу или ведьму, уверовавшую в свои колдовские силы. И в этом не стоило сомневаться, глядя, как обольстительница прошла к большому плетеному креслу и не торопясь села в него. Кондиционер навевал прохладу, и девушка, закрыв глаза от удовольствия, подставила свое разгоряченное лицо ласковым прикосновениям беспристрастного «мужчины», который, казалось, тоже был неравнодушен к ней.

– Вот не думала, что здесь в январе будет жарко, – томно проворковала Вика.

Ее длинные черные ресницы были сомкнуты, лицо бла-

женно расслаблено, тело спокойно, и лишь яркие полоски откровенного купальника, жадно прильнувшие к роскошной груди, взволнованно вздымались при вдохе.

– Знаешь, ты сейчас напомнила мне древнюю фреску из храма Озириса, – восторженно произнесла Варя. – Там изображена одна из очень влиятельных жен фараонов. Она стоит за троном своего мужа в покорной позе, будто что-то подает ему. Но если приглядеться к ее рукам, то можно подумать, что это пассы гипнотизера. Я читала, что в древнем Египте была каста, владеющая этим секретом. Они с детства готовили одаренных девочек, с тем чтобы потом внедрять их в политическую элиту, где те особым образом влияли на мужчин.

– М-м, это для меня, – не сразу, будто издалека отозвалась красавица. – Я сейчас так бы и сделала.

Она помолчала, и улыбка, подобная весеннему ветерку, едва тронула ее полные губы.

– Я уже вижу полумрак какого-то храма. На полу прохладные гладкие плиты, на стенах факелы, а в глубине зала огромная кровать с балдахином. Там среди мягких подушек лежит обнаженный фараон. Его стройное мускулистое тело изнемогает от любви и страсти ко мне. А я иду медленно, дразня его своими божественными изгибами, и вижу. Вижу, как восстает в нем мужское начало. А потом как прыгну.

Она грустно вздохнула.

– И не возражай, пожалуйста.

Ее ресницы вспорхнули испуганными ночными бабочками, обнажая красивые влажные глаза. Вика так лукаво улыбнулась, что обе звонко рассмеялись, но Варя вдруг умолкла, стараясь смотреть в сторону. Она явно смущалась откровенного взгляда подружки. Ей показалось, что та прочла нечто похожее и в ее душе. Похоже, восточные сказки живут в каждом из нас, и стоит только попасть в соответствующую обстановку, как они оживают, заставляя поверить в их реальность.

– Давай чего-нибудь холодненького выпьем, – вскинулась Варя, едва в поле ее зрения попал мини-бар.

– Ты что, за это платить придется.

– Ну, мы же не так часто в Африку ездим, – не сдавалась она, ухватившись за эту идею, как за соломинку. Лишь бы поскорее выкрутиться из неприятной ситуации.

– Тогда мне апельсиновый, – Вику не пришлось долго уговаривать.

Подружки удобно расположились в глубоких мягких креслах с красивыми, идеально чистыми высокими стаканами. Они пили маленькими глотками, и прохладная жидкость умиротворенно разливалась где-то внутри разгоряченного тела, принося удовольствие. Странно устроен человек… В детстве он стремится все попробовать и не понимает, как это взрослые безразличны к такому количеству вкусных вещей, приносящих наслаждение. Со временем он привыкает. Острые грани оттенков и переживаний стираются, и многое ста-

новится обыденным, не приносящим былого восторга. Позднее что-то из удовольствий, коими он увлекался, становится попросту вредным его здоровью, а некоторые в силу физических изменений в организме и вовсе недоступны. И тут он опять возвращается в детство, когда запретный плод вновь становится сладким. Единственное, что спасает в таких ситуациях, так это юмор в отношении к утраченному.

– Варь, ты где с утра пропадала?

– Я же тебе говорила, всю неделю буду в клубе дайверов.

– Ах, да, – протянула Вика. – Не страшно?

– Есть, конечно, – созналась подружка. – Но зато как красиво…

– Не знаю, я бы ни за что не согласилась, – она отставила пустой стакан. – Мне бы плавать научиться, – потом оживилась: – Мы с девчонками завтра собрались на базар. Говорят, там все так дешево. Поехали после завтрака.

– Без меня.

– Опять полезешь под воду?

– Вик, если бы ты видела, какая там красота, – вдохновенно начала девушка, но, наткнувшись на снисходительный высокомерный взгляд под изогнутыми красивыми бровями, сникла.

– Бедный зяблик, – обращение было адресовано к безнадежно больному существу. – И кто так сумел заморочить тебе голову?

Я бы… – ее взгляд мечтательно скользнул вверх, оцени-

вая горы драгоценностей, которые смогли бы перевесить ее нежелание погружаться в темную и опасную бездну, – никогда. Вердикт был вынесен твердо и обжалованию не подлежал.

– Все еще впереди, – Варя давно научилась сглаживать углы в разговорах, не настаивая на своем мнении, но и не отказываясь от него.

– Вот ты дипломат, – оживилась подружка. – У нас девки иногда готовы в кровь биться из-за ерунды. Хоть из брандспойта поливай. Не отступят.

– Зачем кому-то навязывать свое мнение? – искренне удивилась Варя.

– Не навязывать, а отстаивать, – не сдавалась подружка.

– Для этого есть логика.

– Наверное, за это тебя все и уважают, – задумчиво произнесла та.

– Да брось ты, я обыкновенная.

– Скромная труженица науки, не покладая рук, ковырялась в чужих черепках разбитого счастья, – съязвила Вика.

– Ну, я не фанат истории.

– Если ты не фанат, то кто тогда? – усмехнулась собеседница. – Неужели думаешь, что все из нас мечтают работать всю оставшуюся жизнь «училками» в школе?

Она слегка покачала головой, отчего один из непослушных локонов выбился из высоко взбитой прически и колечком улегся на обнаженное плечо. Он как бы наглядно демон-

стрировал тайное желание своей хозяйки найти уютное местечко и обрести там покой. И таких локонов было немало, они могли в мгновение ока пепельным дождем устремиться к желанному оазису, неся в себе таившееся наслаждение. Те из немногих представителей сильного пола, кто находил в себе силы посещать общие лекции на потоке исторического факультета, засматривались на Вику и ее прическу. Порой она оборачивалась к кому-нибудь из соседей с репликой, и тогда пепельное море ее волос начинало волновать озабоченное воображение. Все события мировой истории безнадежно тонули в прошлом, накрытые волной пепельных волос, уносящих дерзнувших увидеть это в далекую страну сладких грез. Прибитые сказочными волнами к далекому берегу, мечтатели пребывали в эротической эйфории до того момента, когда безжалостный звонок в коридоре не обрывал связь с прекрасным. Их ошалелый взгляд еще долго искал среди девичьих головок ту, что имела магическую власть над умами будущих светил науки или бизнеса. Кому как повезет. Будто еще находясь под влиянием колдовских сил, они медленно собирали свои вещи, не в силах собрать свои мысли и чувства. Они пытались понять, к какому клану принадлежит эта колдунья, так легко овладевшая их душами. К черной или белой магии? Но потом сходились к одной мысли: не случайно у нее пепельные волосы. Этот цвет не принадлежит ни к светлым, ни к темным силам. Она – особенная. А возможно, это пепел сгоревших сердец несчастных предшественни-

ков лег на ее локоны как знак предупреждения оставшимся в живых.

– Вечером идем смотреть танец живота, – Вика в упор смотрела на подружку. – И не вздумай увильнуть. Мы заказали столик на шестерых рядом со сценой.

– Надеюсь, вы не рассчитываете, что и я буду демонстрировать свой?

– Ну, что ты, – скромно потупив глазки, тихо проговорила та. – Мы будем хорошими девочками.

– Особенно некоторые.

– А некоторые будут просто пай девочками, – они рассмеялись. – Собирайся. Я за тобой зайду.

Варя вышла на лоджию. Тихий вечер опускался на море. Белые стены домов на вершине склона еще освещало солнце, а внизу, у самой воды, уже скапливался сумрак. Будто полупрозрачный газовый шарф богини ночи, подгоняемый легкими порывами вечернего бриза, он стал подниматься вверх, стремительно вытесняя собой свет. Казалось, что темные силы просыпались и брали власть в свои руки. Тонкая грань между днем и ночью быстро таяла. Вдоль береговой линии засветились разноцветные огни, сигналя своим замешкавшимся собратьям, что пора. Целыми гирляндами они вспыхивали, поднимаясь следом за меркнувшим естественным светом дня. Это в далеких северных странах характер людей под стать неторопливому характеру природы. На юге и солнце, и тьма, и темперамент обитателей более энергичны.

Они вспыхивают и гаснут стремительно. Иногда жизнь подобна солнечному зайчику на блестящем клинке выхваченной умелой рукой сабли. Порой всплески человеческой жизни так ярки, что оставляют свой след надолго среди сумерек остальных жизней, загубленных понапрасну или тихо канувших в лету. Африка, колыбель нашей цивилизации, давно померкла твоя звезда, лишь отголоски ее древних барабанов еще волнуют сердца последних романтиков, навевая подобные размышления.

– Нет, с тобой что-то определенно происходит, – неожиданно прозвучал голос Вики. – Чего ты тут стоишь?

– Красиво.

– А кто обещал собраться? – не унималась подружка. – В таком виде идти просто неприлично.

– Может без меня, – робко начала Варя, но, взглянув на боевую позу старшего по званию, поняла, что военные действия начинать безнадежно.

– Светлое платье и светлые туфли на высоком каблуке, – прозвучала команда.

– Викусик… – капитуляция была безоговорочной.

Словно белый флаг над сдавшейся в плен крепостью, взметнулось пышное полотнище с едва уловимым розовым оттенком переделанного выпускного платья. Варе вспомнились умелые руки матери, так мастерски превратившие платье ученицы в вечерний наряд. Оно ладно легло на щупленькие плечики, скрывая складочками те места, что так волну-

ют мужчин и являются предметом гордости некоторых женщин.

– Слушай, а ты успела загореть, – подметил опытный взгляд подружки. – Этот цвет к лицу. Просто класс!

– Ты так считаешь? – и маленькое, неопытное сердце растаяло.

– Ну разве что подчеркнем кое-что. Сядь сюда, – Вика включила торшер. – Где косметичка?

– У зеркала. Может, не стоит…

– Расслабься.

Вика накинула поверх платья подружки чистое полотенце, прикрыв плечи и грудь от возможных проблем. Приподняв властным движением острый подбородок Вари, она принялась творить чудеса. Все женщины владеют искусством макияжа, но есть среди них просто волшебницы. Отточенными четкими штрихами эти художницы могут на любом лице нарисовать любую картину. И зашепчут вокруг восторженные слова, и вспорхнет радостным мотыльком счастливая обладательница нового облика. Ах, женщины, как мало вам нужно, чтобы почувствовать себя счастливой, как много вам нужно, чтобы счастливой быть.

– Вот и все, моя девочка.

– Ой, это я? – Варя с восторгом рассматривала свое отражение.

– Зайдем к Жанке, у не было чудное ожерелье, – Вика уже подталкивала подружку к двери. – Держи руки так, пока лак

не застыл.

– А сумочку, – остановилась Варя.

– Не волнуйся, взяла.

Каблучки цокали в ночной прохладе. Они шли извилистой дорожкой, оживленно болтая о пустяках. Фонари прятались среди кустов живых цветов, наполнявших нежным ароматом свежий морской воздух. По дороге в ресторан к ним присоединялись остальные.

У небольшой эстрады их ждал накрытый стол. Все, не сговариваясь, усадили Варю в центре. Вика, а за ней и вся команда, приложили свои руки к тому, чтобы почистить перышки зяблику, и той ничего не оставалось, как блистать. Ее хрупкая фигурка стала изящной в пышном платье, легкий макияж оттенял нежное дыхание юного облика с удивительно живыми, умными глазами, на руках поблескивали кольца и змейка браслета, а сережки и дорогое ожерелье в тон платью завершали картину изысканной роскошью. В окружении подружек она выглядела еще не распустившимся бутоном в букете ярких, пышных, благоухающих цветов. Рядом с ними уже не одно сердце учащенно забилось, представляя себя садовником. Закрыв глаза и поворачивая восторженное лицо в их сторону, знатоки и почитатели красоты вдыхали незнакомый аромат, дорисовывая в своем воображении то, что скрыто. Ах, эти мужчины, они готовы рисковать жизнью, перемахнуть высокий забор, обмануть стражу и проникнуть под покровом ночи в чудный сад, где растут

неземные цветы. И только самый красивый из них они вырвут второпях с корнем, затоптав менее приметные рядом. С восторгом будут наслаждаться красотой и нежностью удивительного цветка. Потом быстро утратят интерес к увядающему и потерявшему аромат чуду. Странная сила вновь и вновь будет манить их в чужой сад. И лишь немногие испытавшие любовь всю жизнь будут лелеять свой единственный цветок, построив ему парник и поддерживая там постоянную температуру теплом своего сердца.

– Девчонки, – Вика обратилась к подружкам, поднимая бокал вина. – Сегодня мы стали свидетелем настоящего восточного чуда. Наш дорогой маленький зяблик превратился в белого лебедя. – Все замолкли, ласково поглядывая в сторону Вари. – Я думаю, что она в одной из своих прошлых жизней была фараоном, и теперь дух Египта признал ее. Предлагаю тост. За Варю!

Все стали наперебой чокаться, а потом и обниматься с коронованной особой. Со стороны это выглядело очень мило. Поведение эмансипированных европейских дам давно уже не шокировало арабов, посещающих рестораны для туристов или работающих там. Они снисходительно прощали приезжим нарушение некоторых традиций и обычаев их родной страны, ведь те оставляли здесь немало денег. Иногда среди посетителей ресторанов были очень уважаемые люди. Обычно они сидели в сторонке и не требовали к себе особого отношения, как это принято у подвыпивших русских,

случайно разбогатевших в неразберихе эпохи перемен. Уважаемые люди некогда великой страны до сих пор уважали и себя, и свою семью. Им не нужно было сорить деньгами, как это делали загулявшие русские купчишки или воришки, чтобы привлечь к себе внимание: их знали в лицо и уважали всюду.

За столиком, в тени развесистой пальмы, сидел элегантно одетый мужчина средних лет. Строгое холеное лицо сочетало в себе европейские и восточные черты. Жесткие черные волосы, большие темно-карие глаза и широкие скулы он унаследовал от отца, главы знатного древнего рода из Верхнего Египта, а вот изящный тонкий нос, красивые чувственные губы и аккуратные уши – от матери, некогда известной актрисы из Италии. Одному Аллаху была известна истинная история той любви. Венцом ее было появление на свет господина Фатхи. Он гордился своим великим отцом и чтил память красавицы матери. Она приобщила его к европейской культуре, научила элегантно одеваться и правильно общаться в этом чуждом для араба обществе. Благодаря ей господин Фатхи приобрел нужные связи в закрытых кругах деловой элиты, и бизнес его процветал. Он считался очень состоятельным мужчиной и достойным продолжателем могущественного рода.

У господина Фатхи было несколько отелей в окрестностях Шарм эль Шейха, и он был совладельцем крупнейшего в

стране бизнес-центра, что был построен здесь совсем недавно. Он любил прилетать сюда зимой, наведываясь с проверками или бывая на деловых встречах. Сегодня же он решил, что заслужил небольшой отдых, тем более что будет выступать его любимица. Азира появилась на телевидении в конце лета, ее привез в Египет кто-то из пронырливых продюсеров то ли из Сирии, то из Ирака. Это была танцовщица высокого класса. За последнее время она завоевала необычайную популярность, впрочем, вполне заслуженно. Ее приглашали на ток-шоу, танцевальные фестивали и кулинарные поединки, где она умело балансировала на грани между истинной мусульманкой и деловой женщиной. Сегодня Азира будет исполнять танец живота. О, на это стоит посмотреть. Господин Фатхи уже приготовил ей подарок. Маленький футляр, покрытый черным бархатом, лежал у него в кармане пиджака. Кольцо с крупным бриллиантом редкой чистоты непременно понравится красавице. Размер прелестного пальчика ему подсказали по секрету. Вечер обещал быть приятным.

– Мне, право, очень неловко чувствовать себя в центре внимания, – Варя так волновалась, что не могла просто отшутиться. – Если честно, то я впервые ощутила себя не такой, как обычно. Спасибо вам, девчонки.

Она поставила бокал на стол, чтобы не расплескать вино. Руки у нее дрожали, и она сцепила их, с усилием переплетая пальцы.

– В душе я всегда завидовала вам, таким красивым и смелым.

Она обвела подружек благодарным взглядом, переполненным неподдельным счастьем.

– Каждая из вас отдала мне сегодня частичку своего тепла, и я…

В этот момент неожиданно грянула музыка и на сцену стали подниматься танцовщицы. Как веселые птички в саду, они прыгали с ветки на ветку, легко и беззаботно. Где-то позади вспыхнул луч прожектора. Он выхватывал из полумрака белоснежные наряды с блестками и по ошибке остановился на Варе. Та обернулась, и ее озаренное душевным порывом лицо с огромными, переполненными слезами благодарности глазами просияло в ярком свете. Это было подобно вспышке молнии в темном небе. Девушка, смутившись, порывисто села, исчезнув из поля зрения, а ее образ, подобно раскату грома, с запозданием беззвучно ахнул в сердцах мужчин бурей восторга.

Господин Фатхи был просто поражен увиденным. Несколько секунд он старался привести свои чувства в порядок, но они не поддавались. Его душа ликовала. Сердце замерло в груди, к которой припадало немало красавиц. Страстные, азартные и пылкие соблазнительницы уже не волновали его так, как это было в юные годы. Он приятно проводил время и получал заслуженное удовольствие от об-

щения с прелестницами, но уже давно никто не мог вскружить его голову с пышной шевелюрой жестких смоляных волос, украшенных кое-где сединой. Но это внезапное видение явно взбудоражило его. Взгляд красивых умных глаз, переполненных искренней любовью, словно твердая грань алмаза, оставил глубокий след на его закостенелой душе. О, это не подделать и не сыграть. Это может быть только проявлением душевного порыва. И какая чистота… Вот оно, настоящее чувство! Господин Фатхи закурил, замечая к своему удивлению, что пальцы его плохо слушаются. Он волновался. Как мальчишка. Опустив взгляд на тусклый огонек сигареты и спрятав улыбку в роскошные усы, уважаемый и достопочтенный глава известного семейства прислушивался, как стучит его сердце. Нет, оно не стучало, оно колотилось в стенки его могучей груди. Мимолетная вспышка была настолько впечатляющей, что реакция на нее проявлялась постепенно. Душа господина Фатхи проснулась от многолетней спячки. Он давно не видел такой искренности, такой чистоты. Его волновала мысль, как же может любить такое сердце, такой нераспустившийся бутон. Это дорогого стоит. Господин Фатхи подозвал человека из своей свиты и что-то негромко приказал ему.

– Варь, да ты чего? – низкий грудной голос Жанны заглушил овации, приветствующие знаменитых танцовщиц. – Ты плачешь, что ли?

Все почувствовали, что она готова присоединиться к новоявленной принцессе, которая не в силах совладать со своими эмоциями.

– Брось, я тебе это ожерелье подарю. Хочешь? – и голос ее угрожающе задрожал.

– Девчонки, – вмешалась Вика, – только без слез.

Она подскочила к Жанне и обняла пышный торс, уже начинавший импульсивно вздрагивать.

– Жанет, ну посмотри на меня, разве у нас горе?

Улыбка померкла на ее красивом лице, когда она встретилась глазами с целыми озерами безысходной тоски, в пугающей глубине которых не было и намека на дно.

– Ты правда подаришь свое ожерелье? – выпалила Вика первое, что пришло ей в голову.

– За это стоит выпить, – подхватила ее идею сообразительная Наташка.

– Жанет, за тебя, – Галка уже чокнулась с оцепеневшей от неожиданности подругой.

– Да ладно вам, – Жанка обвела сидящих за столом мокрыми глазами.

Опасность излияния чувств миновала. Все облегченно вздохнули. Первой не выдержала хохотушка Светка. Сначала она тоненько прыснула, боясь кого-нибудь обидеть своей насмешкой, но ее намек тут же подхватили остальные. Кроме Жанки. Ее необъятная грудь хранила столько невыплаканной грусти, что никакая засуха не могла бы соперн-

ничать с ней. Взрыв девичьего хохота за столиком у сцены остальные зрители посчитали заслугой появившегося мужчины. Это был единственный танцовщик в группе женщин. Он был так же одет, как и остальные артистки, и так же лихо мог заставить свои бедра вибрировать в такт нараставшему ритму. Красавицы на сцене подзадоривали его, поочередно предлагая исполнить то одно, то другое движение. Их пышные фигуры так соблазнительно колыхались под свободными одеждами, что многие мужчины в зале отставили бокалы и разговоры в сторону. Жадные взгляды следили за обнаженными животами в соблазнительном танце. Современный стриптиз в сравнении с этим искусством казался вульгарным кривлянием. Слишком откровенный, он утратил загадку и таинственность, сопровождающие женщину. Стриптиз просто бил тупым обухом по основному инстинкту, в то время как танец живота рождал фантазии и надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.